

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

27

МЮНХЕН 1983

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№27

Декабрь 1982

МЮНХЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Рождеством Христовым	2
<i>В. Кобылин.</i> Незыблемая линия коммунизма	3
<i>В. Пирожкова.</i> Советская армия в Афганистане	5
<i>Д. Штурман.</i> "Продовольственная программа — дело всех, дело каждого"	7
<i>Валентин Зарубин.</i> Периодика, направленная против российской антикоммунистической эмиграции	11
<i>Б. Сидоров.</i> Агенты смерти	18
<i>Иосиф Мацкевич.</i> Будем надеяться...	20
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> О преподобном Серафиме Саровском	27
<i>Романо Гуардини.</i> Господь (главы из книги)	29
<i>Владимир Рудинский.</i> Обзор зарубежной печати	33
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Е. Кармазин.</i> "Блатной" Михаила Демина	38
<i>Валентин Зарубин.</i> Книга о венгерской революции 1956 года	41
<i>Владимир Рудинский.</i> Terra incognita	44
<i>В.М. Советский патриарх Пимен в Америке</i>	45
<i>Письма в редакцию</i>	46

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Читателей и друзей нашего журнала мы поздравляем с великим праздником Рождества Христова.

Скоро исполнится две тысячи лет с того дня, вернее, ночи, когда Дева Мария родила Своего Сына, не во дворце и даже не в обычном, хотя бы скромном доме, а в вертепе. Как могло случиться, что значительная часть человечества уже почти две тысячи лет празднует рождение этого Младенца, появившегося на свет в маленьком городке далекой Палестины? Даже если выросший Младенец стал великим проповедником, все равно Он не переступил границ Своей родной страны, такой маленькой, что при наших средствах сообщения, ее всю можно объехать в один день. И проповедовал Он не великому народу, не гордым завоевателям римлянам, — хотя с отдельными из них Ему пришлось встретиться, вспомним римского сотника, — а маленькому, покоренному народу, — сколько таких было тогда под владычеством римского императора! И религиозных проповедников было много и различных сект тоже. Отчего же только Этот Один, проживший так недолго и умерший позорной, в глазах людей того времени, смертью, остался в памяти народов вот уже почти две тысячи лет? Отчего значительная часть человечества на всех континентах, люди всех национальностей и всех рас празднуют именно Его день рождения? Отчего Его учение распространилось по всему миру, — в наше время можно сказать, что христианство распространилось по всему миру, так как повсюду есть верующие христиане, хотя, конечно, далеко не все люди мира ими являются, — отчего именно Его учение, а не какого-нибудь другого проповедника тех времен?

Произошло это случайно? Но что такое "случай"? Многие ученые, не желающие признать Промысла Божия, ссылаются на "случай", скажем, в ходе эволюции. Но что такое этот загадочный "случай", они объяснить не могут. Нам еще не приходилось встречать ни одного определения "случая", выдерживающего критику.

Нет, это не дело случая. То, что мы уже почти две тысячи лет празднуем рождение именно Этого Одного, говорит о том, что Он не был просто человеком, хотя бы гениальным, прекрасным, но человеком и больше никем. Нет, Он — Бог и человек, Он — Богочеловек, и именно этим объясняется, что две тысячи лет на всех континентах празднуется этот день, день в который родился Богочеловек и Спаситель мира.

И кто только ни старался вытравить из ума и сердца людей воспоминание об этом дне!

Коммунистические богоборцы сначала даже запретили елку, ставшую в европейских странах внешним символом этого великого праздника. Помнится, как крестьяне привозили под дровами елочки тем горожанам, которым они доверяли, и елка ставилась во второй комнате, — если счастливая семья обладала несколькими комнатами, — а когда зажигались свечи, не специально елочные, конечно, то делалось затемнение, как во время войны, чтобы с улицы никто не заметил мерцающих огоньков свечей. Дело, конечно, не в елке. Рождество можно праздновать и без елки. Наоборот, иногда эта внешняя символика, отстаивавшаяся с большим упорством, отстраняла, отодвигала на задний план истинный смысл Рождества Христова. Это заметили и власть имущие и разрешили символику, хотя и не как рождественскую, а как новогоднюю елку. Большинство оставляло елку до 7 января, когда православная Церковь празднует Рождество Христово. Елка стояла открыто, прятать ее не надо было больше, но стал ли от этого сам великий праздник понятнее, праздновался ли он глубже и лучше? Вряд ли. До какой-то степени богоборцам удалось переключить рождественскую символику на новый год.

Поэтому и не следует придавать символике, традиции, как бы прекрасны и милы сердцу они ни были, слишком большого значения. Не нужно по-пуритански отрицать всякое внешнее оформление праздника, отрицать елку, украшения, подарки, но нельзя допустить, чтобы вся эта внешняя символика и красота праздника заслонила его смысл, его истинное внутреннее значение. Тогда, почти две тысячи лет тому назад, не было всей этой суеты, не было елки и украшений. Были лишь ясли, — не стилизованные, не игрушечные, а настоящие, была холодная ночь в горном Вифлееме и роженица не в уютной комнате с прислугой и врачами, а в хлеву, в окружении не людей, а животных. Были, правда, и подарки, подарки, принесенные издалека тремя волхвами, и было поклонение простых пастухов, а затем, почти сразу же — тяжелая беженская судьба.

Но в этот день Бог стал Человеком. В этот день произошло воплощение, настоящее, не символическое. Родился Иисус Христос — истинный Бог и истинный человек. Во всей человеческой истории это чудо свершилось единственный раз. Оно определяет всю историю, стоит в центре ее — к нему она двигалась, из него исходит. И сколько бы люди ни старались подчинить ход истории себе, сколько бы они ни гордились своей автономией и своими возможностями, все свершается под знаком того события, которое мы так часто лишь без-

думно празднуем, под положительным или отрицательным знаком, но все судится в соотношении к тому, что произошло вот уже почти две тысячи лет тому назад.

Благочестивый старец Симеон сказал, что увидели очи его "спасение Твое, которое Ты уготовал перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля" (Лк 2,30–32), Того, Кто пришел "на падение и восстановление многих", ибо:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляют по реке плоты
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Пастернак

Ничто не уйдет от этого Суда, ни века, ни отдельные люди. Дай нам, Господи, устоять перед этим Судом.

Редакция

В. КОБЫЛИН

НЕЗЫБЛЕМАЯ ЛИНИЯ КОММУНИЗМА (К 65-летию октябрьской революции)

В связи с состоянием здоровья Брежнева, которое заметно ухудшается*, раздаются все чаще голоса, что преемники последнего смогут "изменить курс" советской политики и пойти на перемены "крупного размаха". Другие придерживаются мнения, что существенных изменений не предвидится и настоящее положение будет продолжаться.

В связи с этими высказываниями нужно внимательно рассмотреть всю сущность коммунизма как такового и на протяжении уже 65 лет увидеть, что помимо изменений бытового характера (и то не такого уже явного) основа коммунистического феномена остается все той же.

Ленин, как основатель российской социал-демократической партии большевиков, был вдохновителем и проводником в жизнь всей сущности большевизма, которая прежде всего зиждется на непререкаемом авторитете руководства партии, строжайшей дисциплине и беспощадном проведении в жизнь всех основ партийного господства в тоталитарном государстве. Ленин был, несомненно, первым теоретиком и основателем этого вида партийного государства. Вместе с этой традицией диктатуры главы партии и его ближайшего окружения, Ленин претендовал на монополию "правды" во всех постановлениях и высказываниях руководящей верхушки (позднее Политбюро). Все, кто посмел бы высказаться против, были бы немедленно объявлены "врагами народа". Вне партии все являются потенциальными врагами народа. Внутри партии по ленинской установке все должны держаться одного и того же мнения. В 1921 году Ленин писал в статье "О партийном единстве", что "в партии не может быть лояльной оппозиции". В своих произведениях Ленин часто менял свои взгля-

ды, но все его высказывания должны были приниматься как догма партии. Таким образом, одной из существенных черт установленной традиции Ленина была поразительная комбинация бескомпромиссного догматизма и гибкого оппортунизма, что делает коммунизм на практике страшным врагом нормального порядка и логики. При всей своей несомненной приверженности к основным положениям партии, как, например, деление мира на пролетариев и капиталистов и неизбежный триумф пролетариата, Ленин и его последователи прибегают к компромиссам, уступкам и любым маневрам, требуя от членов партии безусловного послушания на всех "поворотах" партийного курса.

Эта линия осуществлена и в партии Ленина, и во всем, что касается Ленина, окутанного героическим мифом, воплощенным в "полном собрании сочинений", в переименовании города Петра Великого в "Ленинград" и установлении мавзолея с мумией основателя большевизма на Красной площади в Москве.

Есть очень распространенное мнение, что Сталин изменил ленинской традиции. Посмотрим, действительно ли это было так. Не надо забывать, что при Сталине коммунистическая власть из диктатуры пролетариата, как это было названо в первые годы революции, превратилась в тоталитарную диктатуру, приближаясь к тому идеалу, к которому стремился Ленин.

Требовалось необыкновенное напряжение, чтобы система террора дошедшая при Сталине до кульминационного пункта, не ослабела бы даже на короткий период времени. Не нужно думать, что коллективизация сельского хозяйства была измышлением Сталина, точно так же, как и построение крупной промышленности. С точки зрения большевизма это было совершенно неизбежно. Только система безжалостного террора могла ускорить этот про-

* Статья написана до смерти Брежнева.

цесс возникновения коммунистической экономики. Точно так же было бы ошибочным полагать, что расширение зоны влияния Советов во время войны и после войны произошло из-за политики Сталина. Военные обстоятельства, которые привели Советский Союз к возможности ввести коммунистический режим в Центральной и Восточной Европе, нужно приписать в большей степени неожиданному результату просчета Сталина, когда был подписан пакт между Советами и нацистами. Этот пакт ускорил возникновение второй мировой войны, так как Германия считала, что у нее "развязаны руки на востоке", и она может начать свой "блицкриг" против Польши. Затем, через два, без малого, года Советский Союз подвергся разгрому со стороны Германии, и Сталин был одно время в чрезвычайно опасном положении. Но, используя все сложившиеся обстоятельства и проявляя большие способности для улучшения своего положения, а также уразумев все особенности демократических порядков, Сталин укрепил Советский Союз до такой степени, что последний стал сверхдержавой такого стиля, как и Соединенные Штаты Америки. Но все успехи Сталина нужно приписать в первую очередь политической бездарности Гитлера, который не только упустил возможность привлечь население оккупированных областей Советского Союза на свою сторону, но своей жестокой политикой по отношению к населению, будь это в лагерях военнопленных или в оккупированных областях, вызвал в народе желание бороться против жестоких оккупантов, предпочитая, против своего желания, также жестокую власть, но все же свою.

А затем Ялтинская конференция, таковая же и в Потсдаме, и все дальнейшие соглашения с западными демократами привели к такому положению, что Советский Союз стал угрожать всему миру, что и входило в планы зачинателя коммунизма в России, Ленина. Таким образом, и Ленин, и Сталин держались одной и той же линии, которая является неизменной традицией советского режима.

С появлением на политической сцене Никиты Хрущева изменился только внешний стиль нового "вождя". Несмотря на заявления раннего периода хрущевской эры о коллективном управлении, через сравнительно короткий срок Хрущев возобновил им же до того осужденный "культ личности". Все окружавшие его и якобы делившие с ним бремя власти "булганины" были удалены или понижены в ранге. Маршал Жуков, продвигавшийся вперед, был попросту снят со своих постов и подвергнут домашнему аресту. Коммунистический режим в Советском Союзе еще раз доказал, что никаких перемен "бонапартистского" стиля в "стране победившего социализма"

быть не может. Сам же Хрущев, в противоположность Сталину, который предпочитал быть в своей "олимпийской изоляции", старался быть на виду как у себя дома, так и за границей.

Он повсюду старался беседовать о "социалистической культуре", в колхозах говорил о новых направлениях сельского хозяйства и превозносил американскую кукурузу. Отлично понимая, что он не может идти в сравнение с основателем партии и советского режима, как и с создателем крупной промышленности, который оказался победителем во второй мировой войне, Хрущев повсюду подчеркивал необыкновенную роль программы освоения целины, которая должна была рассматриваться как необыкновенное достижение, а также его 20-летний план, который вошел в программу партии 1961 года. Это нужно считать стремлением Хрущева как-то уравнивать себя со своими двумя предшественниками в области теории коммунистического движения. Главную функцию своей диктатуры Хрущев усматривал в роли верховного авторитета в области идеологии партии. Эту роль Ленин играл с известной эрудицией, хотя и ущербной, а Сталин — с помощью грубого насилия. Хрущев же при всем своем желании не мог установить политической линии партии, так как он не занимался до того теоретическими вопросами. Сознвая это, он решил вместо "пятилеток" Сталина обратиться к семилетнему плану, который он приготовил к чрезвычайному 21-ому партийному съезду в январе 1959 года. На этом съезде все было, конечно, принято единогласно. Новая программа, принятая в 1961 году, устанавливала теоретические положения для будущего. Вкратце они заключались в категорическом равноправии, коллективизме и конформизме. Хрущев считал это "демократией, но централизованной и организованной". В обычной для большевизма демагогической фразеологии, хрущевская программа повторяет все избитые советские положения, как "плановая экономика, организованное распределение труда и установленное трудовое время". Вряд ли стоит останавливаться на подробностях этой программы. Она, как и предыдущая, оставалась традиционной для коммунизма мертвящей схоластикой, лишенной жизни и какой-либо привлекательности, с неизменной ссылкой на принудительный характер этой "хартии трудящихся".

После *coup d'état* Брежнева "со товарищи", в результате которого Никиту, как и Жукова, сняли со всех постов и подвергли домашнему аресту, на советскую политическую сцену снова вышел "коллектив", который уже традиционно, так сказать, перешел опять в "культ личности" дорогого Леонида Ильича (второго Ильича, как ласково величают его советские

царедворцы). Убрав из первоначального коллектива всех своих конкурентов, Брежнев стал "президентом Советского Союза" в понимании и представлении Запада. В Политбюро Брежнева вошли возглавители секретной полиции, внешней политики и обороны. Ничего лично из себя не представляющий Брежнев преподнес "доктрину" Брежнева, по которой Советский Союз проводит "освободительные" акции, то есть попросту насаждает коммунистические режимы там, где это уже достаточно "созрело" при помощи саботажа, угроз и "братского" советского влияния. Где нужно, происходит грубое насилие, то есть военная интервенция и долголетняя оккупация, как например, в Афганистане. Эра Брежнева связана с детантом, который фактически пущен в ход американцами. На этом детанте Советы нажили себе явный капитал, наращивая свой военный потенциал до размеров угрожающего характера. Но традиция коммунизма остается все той же, с неизменным террором, преследованием инакомыслящих и религии.

Снова остается без перемен крепкое руководство партии, которому все должны подчиняться без всякого критического отношения. В случае появления такового — немедленное причисление посмеявшихся это сделать к врагам народа, психически ненормальным или подлежащим исправлению в "исправительно-трудовых" лагерях.

Остается в силе, как и при Ленине, то же положение, что развивающийся антагонизм между "трудящимися и капиталом" неизбежно приведет к победе коммунизма как к высшей форме человеческого коллектива. В этой борьбе все средства пригодны, а потому все

соглашения, договоры и резолюции с капиталистическими странами можно выполнять лишь в том случае, если это выгодно для Советов. Никаких изменений, никаких отклонений не может быть в этой раз и навсегда установленной концепции Ленина.

Так называемые "советологи" на Западе и, в особенности, в Соединенных Штатах, тешат себя надеждой, что преемники Брежнева должны будут незамедлительно приступить к устранению экономических затруднений. При известной удаче, Советы смогли бы в течение пяти или шести лет достигнуть известного прогресса в этом деле. Но в настоящее время Москва будет сильно зависеть от ввоза зерна из-за границы. Вопрос кредитов, которые нужны для ввоза промышленных товаров, тоже будет большой проблемой для Советов.

В течение этого "переходного времени" Соединенные Штаты, как и европейский Запад, могут использовать политику "кнута и пряника", чтобы "подтолкнуть" Москву к более умеренной политике.

Если мы обернемся назад и внимательно присмотримся к тому, что происходило за все 65 лет советского режима, то мы увидим, что так называемые "исторические возможности" имели место не раз. Но все эти возможности были упущены или... отвергнуты. Зная уже по прошлому, можно почти с уверенностью сказать, что "историческими возможностями" воспользуются Советы. Что в результате всего этого произойдет, сказать трудно. Но если не произойдет какого-то духовного перерождения мира, на что надеяться, конечно, трудно, то приближение к неминуемой катастрофе станет неизбежным.

В. ПИРОЖКОВА

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ В АФГАНИСТАНЕ

В некоторой части русской эмигрантской прессы усиленно распространяется информация, что афганские борцы за свободу беспощадно убивают не только пленных, но и перебежчиков. Появилось даже сообщение, что афганцы якобы заставляли двух пленных советских солдат перейти в магометанство, чего советские солдаты не сделали и были убиты. Нам это сообщение представляется полностью фантастическим. Афганцы сражаются за свою свободу, а не для того, чтобы навязать свою веру другим. И во имя чего сопротивлялись советские солдаты? Неужели афганцы случайно напали на редких в советской армии верующих христиан? Мы, конечно, никак не можем исключить, что в этой жестокой войне афганцы нередко убивают пленных, тем более,

что в партизанской войне, всегда более жестокой, чем регулярная война, решение принимает командир отдельного отряда по своему усмотрению, а афганцы, понятно, крайне раздражены, да иногда у них нет и возможности переправить пленных куда-нибудь в тыл. Но тем не менее подчеркивание этих сообщений и, особенно, сообщения о якобы сделанных афганцами попытках насильного перевода в ислам работают на руку советской власти, независимо от того, сознают это те, которые все это публикуют или не сознают. Они внушают солдатам советской армии, что у них выхода нет и что они должны сражаться за этот страшный режим. А сообщения о якобы принуждении переходить в магометанство и стойкости советских солдат совсем уже картинка из

прежних русско-турецких войн, когда на русской стороне сражалось еще действительно православное воинство, а Турция была могущественной державой с претензиями на завоевания и покорение других под свою руку и под руку ислама. Не следует пытаться создать впечатление, что и советская армия — это возродившееся православное воинство. Действительность выглядит, увы, много печальнее.

Учтя все выше сказанное, мы считаем нужным поместить напечатанное в немецкой газете "Мюнхенский Меркур" от 9.12.1982 г. интервью с перебежчиком из советской армии Козловым. Корреспондент этой газеты сам вел с ним разговор. В этом же лагере афганских борцов содержится еще пленный Журковский, но с ним корреспондент не беседовал. Мы, конечно, не утверждаем, что все то, что говорил Козлов, верно, мы просто хотим дать и эту информацию, чтобы картина не была односторонней. Прибавим от себя, что согласно нашим сведениям данные Козлова в общем отвечают действительности.

Корреспондент Вальтер Рюб сообщает, что Козлов после некоторой застенчивости разговаривался. Сам он из Пензы, отец его инженер, мать продавщица. Он начал учиться в Пензе в политехникуме, но уже после второго семестра его взяли в армию. После восьмимесячного учения его послали в Афганистан 27 декабря 1981 года. Он был причислен к 345 пехотному батальону. Но воевал он недолго: 14 февраля 1982 года он перебежал к афганским борцам за свободу. Теперь он уже может объясняться по-афгански, афганцы обращаются с ним по-дружески, они с ним на ты. Они только запретили немцам угостить Козлова водкой, так как спиртные напитки у них строго запрещены для всех.

На вопрос корреспондента, почему Козлов перебежал, он ответил: "Я видел такое, чего я никогда не забуду. Однажды мы ворвались в афганскую деревню, дико стреляли во все стороны. Я увидел мальчика лет 10, который отчаянно кричал, чтобы советские солдаты не смели трогать его мать и сестру. Сначала солдаты старались заставить ребенка замолчать, но потом открыли огонь, мальчик, его мать и сестра были убиты... После этого один из солдат вышел из дома афганцев с радио-транзистором (такие аппараты есть часто в деревнях и даже в пустыне, в палатках бедуинов, что я

сама видела В.П.) и хвастался тем, сколько его трофеев стоит в СССР.

Однажды советские солдаты привели 70-летнего афганца. Старик уверял, что он не знает, где находится сейчас командир повстанцев этой местности. Офицер вытащил пистолет и выстрелил старику в живот... Вечером того же дня мы прибыли обратно в наш опорный пункт около аэродрома в Баграме. Почти все солдаты несли в руках трофеи".

Козлов говорил о коррупции, господствующей в советской армии. "Многие солдаты покупают себе преимущества, отдавая офицерам фотоаппараты, радио, папиросы и многое другое. Таким путем можно избежать направления в опасную операцию".

В рядах советской армии есть много алкоголиков и наркоманов. Они нередко продают даже оружие, чтобы иметь деньги на алкоголь и наркотики.

Но есть немало и таких, которые отказываются идти воевать в Афганистан, предпочитая тюрьму. Козлов слышал, что даже два полка целиком отказались отправляться в Афганистан... Для избежания этого высшее командование теперь не сообщает, куда отправляются войска. Если советскому солдату удастся благополучно вернуться домой, он боится кому-либо, кроме своей семьи, рассказать о том, что он видел и пережил.

Отношения советской армии с войсками Бубрака Кармаля плохие. Советским солдатам запрещено всякое общение с войсками афганских коммунистов.

Под конец разговора Козлов сказал: "Советское правительство обмануло нас, советских солдат. Оно послало нас сражаться против мирного населения Афганистана".

Мы подчеркиваем, что среди солдат советской армии, видимо, много порядочных людей. Козлов не одинок, о чем он и сам говорит. Но порядочные отказываются идти на эту войну, перебегают к афганским борцам за свободу или, если у них на это не хватает мужества, внутренне скорбят. Но в то, что их мужество проявляется в защите — чего? — православия? — против мусульманских поповозновений со стороны афганских борцов за свободу, мы не верим. И подчеркиваем еще раз, что советская армия как таковая нечто совсем другое, чем православное христолюбивое воинство. Не надо создавать себе иллюзий. Истинный патриотизм должен видеть действительность такой, как она есть.

Д. ШТУРМАН

"ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ДЕЛО ВСЕХ, ДЕЛО КАЖДОГО" (Заметки о современной советской школе)

*Армянское радио спрашивают:
"Какой продукт питания наиболее популярен сегодня в СССР?"*

Отвечаем: "Вырезка из продовольственной программы".

I. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА

Казалось бы, что может быть общего между заголовком и подзаголовком этой статьи?

Систематическое чтение современной советской педагогической прессы позволяет ответить: согласно бесчисленным директивным публикациям и откликам на эти публикации с мест, школьное дело объявлено "составной частью продовольственной программы" (передовая "Учительской газеты" от 3 июня 1982 г. Москва).

Что же представляет собой (в кратчайшем изложении) "продовольственная программа" — главная нынешняя внутренняя проблема СССР?

В своем докладе "О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации" на пленуме ЦК КПСС 24 мая 1982 г. Брежнев сказал: "Цель намечаемых мер — в возможно более короткие сроки надежно обеспечить население страны продуктами питания. Это не только первостепенная экономическая, но и актуальная социально-политическая задача".

Нехватка продуктов питания, таким образом, начала тревожить кремлевское руководство не только своими экономическими, но и политическими аспектами. Стремясь избежать конфронтации с населением на почве голода, советское руководство пошло на ввоз из-за границы зерна и других продовольственных товаров. В 1971 году продовольственный импорт стоил СССР 350 млн. долларов. В 1981 году было ввезено хлеба и других продуктов питания уже на 14 млрд. долларов, причем примерно половина этой суммы приходится на зерно. Предположительная оценка стоимости продовольственного импорта СССР в 1982 году, по мнению западных экспертов, составляет 16 млрд. долларов. Но при таком значительном и столь быстро растущем импорте Брежневу пришлось констатировать, что в стране "не удовлетворяется спрос на мясные и молочные изделия, недостает овощей и фрук-

тов. В ряде районов имеют место перебои в торговле продовольственными товарами".

Что же обещает населению СССР "продовольственная программа"?

Рассмотрим таблицу, в которой первый и второй показатели взяты нами из доклада Брежнева, а третий — из официального советского источника (Сб. "Мы и планета" М., 1967). К сожалению, данные последнего не полны.

Продукты питания	На душу населения в год (в кг.)		
	1980	1990	Научно обоснованная норма потребления
Мясо и мяс. прод.	58	70	80-100
Рыба и рыб. прод.	17,6	19,0	—
Молоко и мол. прод.	314	330-340	460-540
Сахар	44,4	45,5	40-44
Растит-е масло	8,8	13,2	—
Овощи и бахчевые	97	126-135	—
Фрукты и ягоды	38	66-70	—
Яйца (штук)	239	260-266	330-365

В советских источниках трудно найти нормы рационального потребления овощей и фруктов, ибо их потребление в СССР является катастрофически низким. Но даже на 1990-й год запланировано, как мы видим, потребление фруктов — примерно 190 гр. в день на человека, овощей и бахчевых культур — 370 гр. в день на человека (последнее — вместе с картофелем, по уровню потребления вторым после хлеба продуктом питания в СССР). Предельно низким остается в 1990 году и потребление рыбы и рыбопродуктов — примерно 50 гр. в день на человека. По мясу и мясopодуктам, по молоку и молокопродуктам на 1990 год запланировано потребление, далеко отстающее от рациональных норм. К этому можно добавить, что производство мяса на душу населения в США, Франции, Западной и Восточной Германии, Чехословакии и даже в Польше (!) в 1980 году было выше, чем предусматривает советский план на 1990-й год ("Новое русское слово" от 2 июля 1982 г.). Речь, таким образом идет лишь о том, чтобы достичь какого-то минимального удовлетворительного уровня, все еще отстающего от уровня нынешнего потребления продуктов питания в развитых странах свободного мира, как пра-

вило совпадающего с рациональными нормами потребления. Странно читать заполнившие советскую прессу истерические призывы — величайшим напряжением народных сил разрешить продовольственную проблему на фоне того потребительского благополучия, которое давно достигнуто в куда меньших и куда менее богатых в природном отношении странах, чем СССР.

“Продовольственная программа” была разработана в начале 1980-х годов, которые, согласно программе КПСС 1961 года и многим другим советским официальным документам, должны были стать началом эры коммунистического изобилия в СССР.

В 1962 году двое молодых жителей г. Балашова закопали в землю около дома одного из них герметический контейнер с экземпляром местной газеты. В ней было опубликовано постановление XXII съезда КПСС о построении к 1980-му году материально-технической базы коммунизма в СССР. В начале 1982 года они извлекли контейнер из земли и зачитали это постановление при многих слушателях. Оба приятеля были арестованы, судимы закрытым судом и получили по несколько лет лагерей. Свидетельства об этой истории проникли в зарубежную прессу. Что инкриминировалось осужденным? Несомненно, распространение сведений, порочащих советское государство, партию, строй. На деле же молодые люди были репрессированы за то, что рискнули сохранить на протяжении двух десятилетий историческую память. Сохранение исторической памяти и распространение в народе ее свидетельств, с точки зрения кремлевских властителей, есть одно из самых тяжких политических преступлений.

В 1982 году место грандиозной программы построения коммунизма заняла непритязательно-скромная программа приближения пищевого довольствия советских граждан к нормальному рациональному уровню. Причем в программе отмечено, что в ближайшие годы “без внешней торговли”, то есть без импорта продовольствия, советскому народу с этой задачей не справиться.

Если за предстоящие десять лет (как за истекающие двадцать) в СССР не произойдет никаких судьбоносных изменений, — “продовольственная программа” разделит судьбу программы “построения материально-технической базы коммунизма”. Какой-нибудь новый “фюрер” положит ее под сукно, и за упоминания о ней будут заключать в лагеря. А советским народам для спасения их от неуклонной хозяйственной деградации преподнесут какую-то новую партийную панацею, например, программу замены муки опилками, подвергнутыми химической обработке...

II. ПРИ ЧЕМ ТУТ ШКОЛА

Итак, школьное дело в масштабах всего государства объявлено “составной частью продовольственной программы”...

Четверть века тому назад сельские школьники были призваны родиной (тогда родину воплощал в своей особе Хрущев) повернуться лицом к сельскохозяйственному производству, еще в школе приобрести сельскохозяйственную специальность, двинуться по окончании школы в колхозы, в первую очередь — в животноводство, и обеспечить бурный подъем сельскохозяйственного производства. Лихорадочно создавались зоотехнические и агротехнические классы и школьные производственные бригады, открывались школьные и животноводческие фермы, садовые питомники и хозяйства. Ученики должны были дома выращивать и сдавать в качестве мясopоставок птицу и кроликов. За этим всем забывалась учеба и падал уровень знаний, но с этим мирились. Ученики и учителя подключились к объявленному партийной программой 1962 года двадцатилетнему плану строительства материально-технической базы коммунизма.

Потом Хрущев был отправлен на пенсию, разговоры о материальной базе коммунизма спустились на тормозах, а сельских школьников начали постепенно избавлять от обязанности совершить революцию в сельском хозяйстве.

Но все-таки в годы хрущевской “политехнизации” средней школы речь шла чаще о производственном и политехническом *обучении* школьников, чем о прямом экономическом эффекте их производительного труда.

Сегодня же речь идет уже не о каких-то сторонах и направлениях *обучения*, а о постоянной, напряженной и экономически эффективной работе учащихся в колхозах и совхозах страны (сельских — практически весь год, городских — летом, во время каникул). В ряде статей, появившихся в педагогической прессе, речь идет о работе школьников всех классов не только в колхозах, совхозах и на школьных участках, но и в домашнем приусадебном хозяйстве. Школьников призывают к участию в максимальной интенсификации этих карликовых хозяйств. Их убеждают влиять на родителей в сторону расширения домашнего приусадебного животноводства и огородничества.

Постоянная рубрика “Продовольственная программа — дело всех, дело каждого” перекочевала со второй на первую страницу “Учительской газеты”, а журнал “Народное образование” выглядит скорее как вестник Министерства сельского хозяйства СССР, чем как издание Министерства просвещения.

Июньский номер журнала открывается обращением Брежнева к участникам слета выпускников средних школ Омской области.

Среди всех выпускников школ области генсек приветствует исключительно тех, кто решил "посвятить свою жизнь благородному и нужному труду животноводства". Генсек выдвигает лозунг: "Животноводству — ударный фронт молодежи!" Задачу увеличения производства кормов он объявляет "важнейшей хозяйственно-политической задачей времени", называя успешное разрешение этой задачи "активным и сознательным участием молодежи в строительстве коммунизма".

Закономерно, что почти все публикации журнала вторят призывам и надеждам вождя. Передовая статья "Трудовое лето школьников" далеко выходит за рамки своего названия: констатируя почти полную занятость старшеклассников летними хозяйственными работами, она требует их участия в таких работах на протяжении всего учебного года. Автора статьи беспокоит недостаточная вовлеченность школьников в колхозно-совхозное животноводство. Он огорчен неполной загрузкой городских старшеклассников. Его заботит необходимость дополнительной организации школьных лесничеств. В 1981 году таких лесничеств было 14 тысяч и в них работало всего 500 тысяч школьников. Одобряется и тенденция перекладывания на старшеклассников летнего ремонта сельскохозяйственной техники, создание ученических мелиоративных колонн и городских промышленных лагерей для работы на предприятиях. По свидетельству автора статьи, всей этой деятельностью уже охвачено десять миллионов учащихся. Таким образом, подавляющее большинство старшеклассников лишено летнего отдыха, который во всем мире считается обязательным элементом развития и роста детей. Им пытаются не оставить времени на внеклассное чтение, игры и спорт и в течение учебного года. Но автору статьи и этого мало. Он пишет: "Опыт 1981 года показал, что расширяются масштабы привлечения к общественно-полезному труду во время летних каникул учащихся IV-VI и даже I-III классов. Эту тенденцию надо поощрять и развивать". Заметьте, что речь идет не об игре, не о привитии начальных трудовых навыков, для чего достаточно уроков ручного труда и занятий на школьных учебно-опытных участках. Речь идет о настоящей работе, приносящей хозяйственные результаты.

Итак все: от генсека до школьных пионервожатых и учителей I-IV классов — заняты поистине лихорадочным, штурмовым перекладыванием части неотложных народнохозяйственных работ на плечи школьников. Из чего это происходит?

Дело не только в остроте задачи накормить население, чтобы нехватка необходимых продуктов питания не привела к политическим потрясениям. Дело еще и в том, что и эту, более

чем скромную, программу спасения советского строя от полного краха некому будет выполнять, если не вовлечь нынешних школьников после их выпуска из школы в ее выполнение. Американский экономист на основании советских официальных данных, подкрепленных статистикой ЮНЕСКО, пишет: "В текущем 1982 году на каждые 100 колхозных дворов приходится всего 288 душ населения, в том числе: 106 работников в трудоспособном возрасте, 88 стариков-пенсионеров и 94 иждивенца — детей, подростков. Не в каждом колхозном доме имеются дети. Всего одного в трудоспособном возрасте может выставить колхозных двор для общественной работы". С учетом наличных демографических процессов и тенденций миграции населения, к 1990 году, по тем же данным, половина колхозных дворов не будет иметь ни одного работника для общественного производства. Половина домов в деревнях будет стоять с заколоченными окнами.

Не улучшает дела и самое раннее, даже с первого класса, вовлечение школьников в колхозно-совхозную деятельность: чем раньше и лучше они с ней знакомятся, тем энергичней стремятся от нее избавиться. С 1970 по 1980 г. было подготовлено около 11,5 миллионов сельских механизаторов, а фактически в 1980 г. по официальным данным на деревне насчитывалось всего 4,5 миллионов механизаторов, остальные 6,5 миллионов уехали в город, на заводы, на строительство.

Не остановят призывы генсека и нынешних школьников.

III. НА ЧТО УХОДИТ ДРАГОЦЕННОЕ ВРЕМЯ

В "Учительской газете" от 12 августа 1982 года на первой и второй страницах выделен заголовок: "Продовольственная программа и школа". Под этим заголовком помещено постановление Министерства просвещения СССР "Об ознакомлении учащихся общеобразовательных школ с материалами майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и об участии школьников в выполнении продовольственной программы СССР".

Главная педагогическая особенность постановления состоит в том, что оно отнимает у школьников и учителей массу насущно им необходимого урочного и внешкольного времени. В постановлении так и сказано: "В сентябре-октябре 1982 года в I-X (XI) классах в *урочное время* пройдут специальные беседы и занятия". "В *урочное время*" — это значит за счет учебных уроков, потому что где же еще можно взять это время? Ежедневный "воспитательный", или "организационный", час классного руководителя и так до отказа за-

полнен текущей работой. Указанные в первой части постановления темы специальных бесед и занятий можно разделить на две группы, внутри которых варьируются двенадцать подтем: первая группа — "Коммунисты — борцы за народное счастье", вторая — "Основные задачи продовольственной программы СССР на период до 1990 года". В каждом классе, с I по X (XI), планируется провести за два месяца по 3-4 таких урока. В конце концов учителя смогут их как-то выкроить за счет других воспитательных мероприятий. Но ведь, кроме этих трех-четырех уроков, предписывается, как гласит второй раздел постановления, еще и "ознакомление с материалами майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС *при прохождении программного материала учебных дисциплин*!" Это значит, что без какого бы то ни было увеличения сетки учебных часов (а увеличивать эту сетку дальше некуда: она и так заполнена до отказа) в учебные дисциплины вводятся многочисленные новые темы, связанные с продовольственной программой. Они только частично перечислены в постановлении. Причем продовольственная программа должна изучаться, согласно постановлению, в курсе *всех без исключения предметов*: не только на уроках труда, природоведения, обществоведения, экономической географии, куда ее еще можно каким-то образом, хотя и очень натянуто, "пристегнуть", но и на уроках истории, литературы, физики, химии, и даже, что представляется уже совсем фантастическим, — астрономии! Последнее специально оговорено в постановлении.

В курсе литературы VIII-X классов, где не хватает времени на ознакомление учащихся с крупнейшими явлениями отечественной и зарубежной литературы, изучение продовольственной программы должно начинаться, согласно постановлению, с тщательного освоения всех четырех "трудов" Брежнева: "Малая земля", "Возрождение", "Целина", "Воспоминания". Комментарии здесь излишни...

Третий раздел постановления посвящен непосредственному участию школьников в выполнении продовольственной программы. Тут идет речь уже не о воспитательной, а о чисто экономической эффективности ученического труда. В постановлении сказано: "Основная форма привлечения учащихся сельских школ

к производительному труду в сельском хозяйстве — ученическая производственная бригада в колхозе, совхозе. Следует всемерно их развивать, добиваясь, ... чтобы в их составе наряду со старшеклассниками работали учащиеся средних классов. Необходимо... добиться в самое ближайшее время, чтобы в составе каждой бригады наряду со звеньями полевых, овощеводов было звено животноводов, чтобы быстро увеличивалось число сельских школьников, принимающих участие в уходе за молодняком, в доении коров, выращивании птицы, кроликов, заготовке кормов. Надо совершенствовать организацию труда школьников в ученических производственных бригадах, добиваясь повышения не только воспитательной, но и экономической эффективности их деятельности".

Говорится в постановлении и о производительном труде городских школьников — летом в селах, остальную часть года на предприятиях города.

Итак, новое постановление о работе советской школы посягает не только на необходимое для изучения учебных предметов урочное время, но и на внешкольную жизнь учащихся. И посягает не в шутку, а с твердым намерением принудить школьников трудиться дополнительный рабочий день, уподобляя тем самым дневную школу — вечерней. Детей и подростков, собранных в летние трудовые лагеря, в прессе именуют "бойцами", напоминая тем самым трудовые армии первых лет существования советской власти.

Нет ни малейшего сомнения, что труд детей и подростков не повысит производительности колхозно-совхозного производства. Все предписанные учителям пропагандистско-воспитательные мероприятия будут проводиться поневоле формально, подавляя и воспитателей, и воспитанников своей бессмысленностью и фальшью. Однако время они будут поглощать в огромных количествах.

И с полной уверенностью можно предсказать, что такая растрата драгоценного учебного и внеурочного времени резко, на годы, понизит реальную успеваемость по всем предметам. Далеко идущие отрицательные последствия всего этого для науки, техники и экономики СССР могут оказаться непоправимыми.

Валентин ЗАРУБИН

ПЕРИОДИКА, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Читатель, увидев заголовок этой статьи, может подумать: опять этот Валентин Зарубин сел на своего любимого конька, хочет прокатиться по диссидентствующей публике, пишущей руссофобские пасквилы в русскоязычной прессе. Должен предупредить: нет, речь сейчас пойдет совсем о другом.

Во время последней мировой войны и после войны в Европе, а особенно в Западной Германии, оказалось большое скопление советских граждан: здесь и оstarбайтеры, и бывшие военнопленные, и люди просто бежавшие от советского ада. Эта армия, голосовавшая ногами против Сталина и советской власти, — исчислялась миллионами.

Союзные силы, по своей политической слепоте, после Тегеранского и Ялтинского договоров стали насильственно репатриировать несчастных людей в Советский Союз. Тех, которые не были замучены в дороге, доставляли в телячьих вагонах прямо в Сибирь. По всей Европе шныряли советские энкаведисты, арестовывая бедных эмигрантов. Процветал массовый киндшпинг! Союзные войска этому не мешали.

Всем нам известна трагическая выдача казак генерала Краснова в Лиенце на милость и немилость советской власти. Все понимали, что от Сталина нечего было ожидать милости. Происходили массовые самоубийства, люди кончали с собой, чтобы избежать коммунистического рабства.

Для советских охотников за скальпами эмигрантов задача была нетяжелой, ибо в разрушенной Германии, где осело большинство бывших советских граждан, они принуждены были (другого выхода не было) жить в лагерях для перемещенных лиц. Но, тем не менее, многие ухитрялись спрятаться, выдавая себя за старых эмигрантов, которых тогда не возвращали; они выдавали себя за балтийцев, поляков и других. Часто несчастные люди скрывались в лесах и горах, меняли свои фамилии, если могли, чтобы только не попасть принудительно в эшелон смерти.

Эта охота и насильственная репатриация длилась примерно до 1948 года.

После этого Запад, кажется, прозрел. Насильственные репатриации прекратились, но советская разведка и после этого долгие годы еще шныряла в лендлизовских джипах, беспрепятственно охотясь за самыми яркими антикоммунистами.

Но наступило время, когда и этой деятель-

ности пришел конец. ГБ, не имея больше возможности силой тащить людей в Советский Союз, переменяло тактику. Оно пришло к коварной идее организовать комитет для эмигрантов, который стал бы заниматься пропагандой. Имея на это громадные финансовые ресурсы, вполне понимая, какое значение может иметь пребывание российской эмиграции на Западе, советские органы принялись за стряпанье своей литературы, которая со временем невероятно разрослась и существует поныне.

Вот об этих изданиях и пойдет речь.

В начале пятидесятых годов в Восточном Берлине был организован пресловутый *"Комитет за возвращение на Родину"*, ставший, в первую очередь, издавать газетку с тем же названием, то есть *"За возвращение на Родину"*. Им руководил матерый чекист Михайлов, генерал-майор НКВД, которое после войны получило название МВД, имевший до того огромный опыт в охоте на не желающих возвращаться граждан.

В 1955 г. был издан *"Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г."*. Явно лживый указ никого не мог убедить, эмигранты еще слишком хорошо помнили жестокую советскую действительность.

Но, несмотря на все, некоторая часть эмигрантов добровольно репатриировалась в СССР, попав на удочку чекистского волка, облеченного в овечью шкуру. Насильно были также репатриированы эмигранты Харбина и Шанхая. Их участь нам сегодня известна. Были наивные люди из Франции, из Югославии, ослепленные тем, что Сталин разрешил открыть некоторое число русских храмов, тем, что бывшие чекисты, советские комиссары, также и советские командиры, получили золотые погоны. Когда-то ненавистные советской власти имена императорских фельдмаршалов, генералов и адмиралов, как-то: Суворов, Кутузов, Нахимов, Корнилов — были выдвинуты для пропаганды в пользу антинародной власти. Вернулись некоторые видные эмигранты. Но простые эмигранты, которые мечтали сменить Париж, Белград или Южную Америку на родной звон церковных колоколов, на русские березки, на ширь степей и лесов, на тройки вороных, оказались у разбитого корыта. Советскую действительность они поняли сразу же. Да было уже поздно. Большинство из них попало

в архипелаг ГУЛаг, а те редкие счастливчики, которые не были арестованы, не увидели больших городов, куда они стремились. Они влачат жалкое существование, как правило, в среднеазиатских республиках. Возникает вопрос: можно ли этих людей винить? Они не ведали, что творили. Но нужно сказать, что тогда, после войны, было большое количество российских эмигрантов, непримиримых с советской властью. Эти эмигранты предупреждали наивных, что Советский Союз — это не старая Россия. Но некоторые им не верили.

По западным столицам триумфальным маршем шагают советские кинофильмы, ансамбли Моисеева и Александрова, Большой театр с традиционным русским балетом, выступают советские спортсмены. Из Москвы посылаются за границу люди, которые, на первый взгляд, кажутся истинными сынами настоящей России.

Но все это не так. Каждый человек, посланный советским правительством в заграничное путешествие, имеет свое задание. Выезжают только сугубо проверенные советские люди. Неоднократно посылался с такой целью Константин Симонов. В свое время он имел задание возвратиться в СССР лауреата Нобелевской премии Ивана Бунина. Но Бунин не был наивным простаком — и остался, хотя и в тяжелом материальном положении, на Западе. Так что советская пропаганда терпит и поражения, большие поражения. Самое большое поражение — процесс В. Кравченко, избравшего свободу и написавшего книгу о существовании в Советском Союзе концентрационных лагерей*. Сколько ни лезли советские чекисты и их пособники из западных наивных леваков из кожи вон, — дело выиграл Кравченко.

Но вернемся к той эмиграции, которая имела на своих плечах 15-20-летний советский опыт. Они были для Советского Союза самыми опасными, ибо *знали правду и советскую действительность*.

И вот российские эмигранты, которые до недавнего времени были подсоветскими людьми, стали получать по почте газетки и брошюры из Восточной Германии с увещаниями возвращаться в Советский Союз. Непрошенная пропаганда приходила от Михайловского комитета. Каким путем доставал Михайловский комитет адреса эмигрантов?

По-разному: некоторые из телефонных и адресных книг, многие от своей разведки, — всеми путями они старались получить как можно больше адресов. Кроме того, ко многим эмигрантам приходили темные личности

с визитом, с письмами от родных, которые должны были под нажимом писать эти послания и звать своих родственников на родину.

Находились ли желающие возвратиться?

Лишь одиночки возвращались. В большинстве случаев это были уголовники, которые после осуждения их немецким судом могли выбирать: или отсиживать наказание, нередко многолетнее, в немецкой тюрьме, или возвращаться домой. Возвращенцев с помпой принимал сам генерал Михайлов, их фотографировали, как правило, у автомашин, у памятников, в новых костюмах, при галстуках и всегда с улыбающимися физиономиями, а потом... потом водворяли в советские лагеря. Эти добровольные возвращенцы давали комитету адреса всех своих знакомых-эмигрантов.

Возвращались единицы по старости, по болезни. Некоторых удалось заставить вернуться посредством шантажа. Так, например, мне, бежавшему на Запад в 1957 г., некоторое время тоже посылали ненужную мне гадкую пропаганду, и, только переменяв квартиру, я смог спастись от нее.

Впоследствии, когда ряды блатных и шпаны поредели и годами никого нельзя было заманить советским пряником, комитет переименовал вывеску, назвавшись *"Обществом по культурным связям с соотечественниками за рубежом"*, имея, кроме того, более краткое название — *"Общество "Родина"*. Общество по связям существует и работает и по сей день. Чекисты снова переменили тактику: пусть земляки живут себе на Западе, — только чтобы не занимались антисоветской пропагандой. Этого они боялись больше всего.

Общество (читай в прошлом МГБ, а сейчас КГБ) развило большую издательскую деятельность. Нередко издавались целые сборники с литературными статьями и воспоминаниями. Были привлечены профессиональные силы.

Так долгое время выходил сборник *"В краях чужих"* со статьями тех, кто якобы проживал в разных странах свободного мира, но на самом деле это были выдуманные имена. Употреблялись имена *"мертвых душ"*, но не трудно было по стилю и содержанию угадать, кто настоящие авторы этих творений и из какой *"кухни"* такая пропаганда появляется на свет.

Вспомнив, что за границей, кроме русских, проживают еще и другие национальности СССР, — комитет стал выпускать журналы и газеты на других языках. По-украински выходит, например, газета *"Вісті з України"*.

В наше время на русском языке издается газета *"Голос Родины"* и журнал *"Отчизна"*. Главным редактором обоих русских изданий является Олег Куприн. Неспроста, а весьма обдуманно, учтя ностальгию эмигрантов, они брали для редактора своих изданий такое

* Отметим, что книга Кравченко о советских концлагерях была далеко не первой. Вспомним хотя бы книги И. Солоневича *"Россия в концлагере"* и *"Бегство из советского рая"*. (Прим. ред.)

звонкое русское имя. Газетка на русском языке не отличается от остальной советской прессы, правда, она не напичкана передовицами типа передовых статей "Правды", которые и в Советском Союзе никто, кроме цензоров, не читает.

Ежемесячник "Отчизна" — дело особое. Это журнал типа "Огонька", с большой редакционной коллегией, с двумя заместителями главного редактора, с ответственным секретарем, художниками, оформителями. Видно, располагая большими средствами, органы считают работу на эмиграцию важным делом. Недаром все оформлено чин-чином, на превосходной дорогой бумаге, хотя в самом Советском Союзе нехватка бумаги — хроническая вещь, с адресом редакции в Москве и в Восточном Берлине, с адресами представительств во многих западных странах, как будто это настоящий журнал. На журнале указана цена, хотя всем известно, что этот журнал в Советском Союзе приобрести простому смертному нельзя, разве что в гостиницах "Интуриста". "Отчизна" распространяется на Западе даром. Бери, кто хочет, только будь совпатриотом! Журнал наполнен цветными пропагандными фотографиями родных мест, снимками старинных городов, красивой природы, ландшафтами с белыми березками. В каждом номере обязательно есть снимки хотя бы одной церкви. Те храмы Божьи, которые большевики превратили в конюшни, в склады, в клубы или в атеистические музеи, конечно, на страницах "Отчизны" найти нельзя.

Мы знаем, что нигде в мире так не уничтожается природа, как в СССР. Недалеко то время, когда Аральское море исчезнет, а на Байкале и так уже почти нет жизни. Конечно, об экологических проблемах "Отчизна" молчит. Иногда в журнале имеются странные фотографии: например, священник с группой молодых людей, гуляющие по городу. Это фотоложь. Всем же известно, что в Советском Союзе духовенству запрещено выходить без особого разрешения на улицу в рясе.

Показываются церкви. Но не показывается то, что на большие Православные праздники, как Рождество Христово или Пасха, почти невозможно подойти к храму, особенно, молодым людям, ибо все окружающие улицы находятся под надзором пьяных дружинников, которые редко кого пропускают в церкви. В журнале описываются нередко музеи, дворцы, еще уцелевшие от царского времени. Всеми силами журнал стремится доказать читателю, что СССР — это то же самое, что старая Россия. Навязывается из страницы в страницу псевдорусский, читай — советский патриотизм. В журнале имеются спортивный, шахматный отделы — для каждого что-нибудь, чтобы заинтересовать читающего. Печатаются народные

русские песни, нет, не советские, а народные русские, с нотами. Существует отдел для детей, а также отдел иллюстрированных пословиц и поговорок. В последнее время появился отдел "Старая русская кухня. Приятного аппетита!". В одном журнале я нашел забавный рецепт: как готовить оленьё мясо. Было бы интересно его показать тем людям, которые стоят часами в очереди перед мясными магазинами, желая получить хотя бы кости. Кагебисты из "Интуриста" нередко берут в Москве интервью у наших соотечественников с Запада, которые как туристы или как-нибудь иначе попадают в Советский Союз. Вспоминается интервью с сыном Шалапина. Приехав однажды с официальным визитом, наш земляк — профессор Брюссельского университета по химической физике, лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, не дал себя одурачить и использовать для пропаганды, не желая, чтобы его чистое имя было связано с совпатриотизмом. Он написал несколько строк и подписался под интервью для журнала "Отчизна" не по-русски, а по-французски, хотя владеет превосходно своим родным языком.

Итак, кропотливо, не дорожа временем и средствами, кагебисты — словно каплю за каплей воды — капают на гранитный камень эмиграции, желая пробить в ней брешь. Задача, ими поставленная, вряд ли приносит желательные для них результаты, но все-таки они и далее неуклонно работают с целью уничтожения антикоммунистической эмиграции. Эмиграция, непримиримая с советской властью, всегда была бельмом в глазу у органов, которые упорно распространяют свою пропаганду. Если уж они не могут заманить своих врагов на родину, то они стремятся хотя бы изолировать их и отвлечь от борьбы против советской власти, против марксизма-ленинизма. Можно считать, и это доказывают и Белая борьба, и Власовское движение, и многочисленные восстания, что врагом "номер один" советской власти является русское национальное движение. Недаром были уничтожены миллионы людей. Но, тем не менее, сопротивление существует и по сей день. Поэтому идеологи из КГБ стараются выдать СССР за Россию, пытаются внушить, что русское — это в наше время советское. Нередко целые номера "Отчизны" посвящены тому или другому городу, краю, области, республике. Например, Армении, Забайкалью, Уралу, Сибири и т.п. Кто же пишет в "Отчизне"? Есть многое из наших классиков. Они лежат в могилах, их согласия кагебисты не спрашивают. Остальные "писатели" носят погоны КГБ. Попадает мало знакомых имен. Очевидно, честные писатели, а таких в Советском Союзе имеется порядочное число, брезгают писать в таком журнальчике, хотя авторам платят, вероятно, завышенные гоно-

рары. Но иногда встречаются и всем известные имена. Например, имена Евтушенко, Роберта Рождественского. И небезызвестный Петров-Агатов, которому в таком журнале и место.

Перед нами пачка журналов "Отчизна", любезно предоставленная нам одним эмигрантом, который получает эту пропаганду годами из Восточной Германии даром, хотя неоднократно писал им, чтобы ему больше не посылали, посылал даже обратно, но все безуспешно. Получает он ее и теперь. Берем первый попавший под руку журнал "Отчизна" №6, за июнь 1980 г. На первой странице — русская девушка-красавица, в национальном платье, с золотой косой, преподносит хлеб да соль. Листаем. Листаем. "Слово к земляку. Праздник мира". Комментарии излишни. Потом "Манифест здоровья". Спорт. Подготовка к Олимпийским играм. Наконец, интересная часть: юмористическая, переписка делового человека, эмигранта и "простака", то бишь советского человека, а по-нашему — кагебиста. Корреспонденция ведется из номера в номер, и всегда оказывается умнее "простак", такой современный советский Иванушка-дурачок, с русской, то есть с советской, смекалкой.

Следующие страницы посвящены большой статье Олега Волкова "Русский художник Илья Глазунов". На этой статье хочется немного остановиться. В "Отчизне" показаны некоторые работы самого знаменитого ныне советского художника — Ильи Глазунова. Кто же он? Весьма прославленный и награжденный правительством советский художник. Удивительно, что в последние годы искусство Глазунова имеет почитателей и среди русской эмиграции. Мне кажется, что многие, хваля Глазунова, не дают себе отчета или не задумываются над тем, с кем Глазунов должен сотрудничать, чтобы иметь все свои привилегии. Многие эмигранты, видя, что он пишет картины на старинные русские темы, считают его чуть ли не богатырем-героем, которому очень дорого русское прошлое, Православие и возрождение Руси.

Мы думаем о нем иначе. Спрашивается, почему одному художнику в Советском Союзе приходится влачить полуголодное существование потому, что он не работает как социалистический реалист, а Глазунов получает самые дорогие государственные заказы, мастерские?

Спрашивается, почему и по сей день в советских лагерях сидят художники за свои произведения, вспомним Макаренко, который организовал выставку художников-нонконформистов в Академгородке и за это был посажен на несколько лет в тюрьму. Глазунов же имеет возможность писать портреты многих вождей Советского Союза и их жен, кроме того, пишет портрет Джини Лоллобриджиды, короля Швеции, президента Финляндии и т.д.

Ему позировал Курт Вальдхайм по заказу советского правительства, и последнее преподнесло это полотно в дар Организации Объединенных Наций. Илья Глазунов разъезжает беспрепятственно во многие страны мира и останавливается в самых дорогих гостиницах. Вспомним тех счастливых, которые после длительной проверки и тщательных разъяснений о том, как себя вести, едут с группой из СССР на Запад. Такие туристы боятся пройти в общественные уборные, чтобы только не потратить пару валютных монеток. Они, зажимая несколько червонцев валюты в кулак, бегают по дешевым магазинам, чтобы "отовариться" для родных, для сослуживцев и для себя.

Глазунов — посредственный художник; правда он работает быстро, как ремесленник. Его главная картина — "Мистерия 20-го века", большое полотно размером 3х6 метров. На нем показаны в одной группе Государь Император Николай Второй, Новомученик Зарубежной Православной Церкви, затем сам Илья Глазунов (ну и скромность!), потом мы находим на картине всех: от Г. Распутина до Дзержинского, Троцкого, Сталина, Гитлера, Хо Ши Мина. Всего пятьдесят четыре портрета, "слизанных" с других, всем известных, портретов. Какая безвкусица!

Эта малопривлекательная картина, конечно, в Советском Союзе не показывается, но понятно, что КГБ разрешило ему ее писать: ведь без этого он не смог бы взяться за кисть в Советском Союзе. Разрешило ее писать и потом выставлять перед западными наивными — полезными дураками. Знайте, мол, и у нас в СССР — свобода творчества! Почти как в старой Императорской России!

Кира Сапгир, в "Континенте" №26, называет его творчество "анекдотически примитивным". Далее она пишет:

"И что есть художник Илья Глазунов? ... Если спросить у любого человека, что такое "мертвая зыбь", — он никогда словами не ответит, а сделает рукой некий неопределенный жест, всегда один и тот же. Если спросить у любого художника, искусствоведа, интеллектуала — любителя живописи, что есть художник Глазунов, — ответом будет неопределенная гримаса, сопровождаемая жестом, будто отталкивающим что-то. Повторяю, это жест — общий для тех, кто сам пишет картины или же разбирается в искусстве".

Нам известно, что Глазунов, кроме картин на русские исторические темы, имеет целую серию работ, посвященную военной тематике. Есть у него цикл работ, привезенный им со строек Сибири, из Вьетнама, из Чили. Последние произведения западному зрителю не показываются. Поэтому надо прямо сказать: несмотря на огромную пропаганду глазуновско-

го искусства, на Западе еще существуют русские эмигранты, которые не считают, что они живут на Луне или на необитаемом острове, и отвергают новую советскую приманку (или пряник?).

Но в эмигрантской прессе у него и много почитателей. Нам кажется, из-за наивности. Многие забыли "трест", похищения генерала Кутепова и Миллера и другие советские провокации.

Так, например, некий О. Лерасов в мюнхенском альманахе "Вече" №5 сетует в своей статье "Заговор молчания" на то, что книга "Художник и Россия", написанная "трехтысячным коллективом" (какое только слово: "коллектив", давно мы его не слышали! — В.З.), в эмиграции замалчивается. Далее он описывает выставки в Москве и в Петрограде (если бы имел выставку, например, Эрнст Неизвестный, назван был бы город Петра — Ленинградом. — В.З.), где люди в огромнейших очередях ждали по 8-10 часов, чтобы только увидеть картины Глазунова. По записям в книгах отзывов и была написана эта книга. Нам ясно, что большинство людей написали положительные высказывания. Кроме того, нам всегда было ясно, что советская власть имеет самого большого врага в лице русского народа и поэтому всегда ухаживает за национально мыслящими русскими, желая нас, русских, включить в бездушный, всем ненавистный совпатриотизм. О. Лерасов упрекает эмиграцию в том, что она не видит в деятельности Глазунова Возрождения Русского Национального Самосознания. Говоря о Глазунове, автор статьи сопоставляет его с покойным А. Твардовским, сообщая, что не будь последнего, не знал бы, может быть, свет сегодня о Солженицыне. Разрешим себе не быть согласными с этой параллелью. Мы считаем, что разница между Твардовским и Глазуновым велика. Твардовский, не боясь потерять свои партийные привилегии, опекал бывших заключенных советских лагерей, чего Глазунов не делает. Имя автора стихов о солдате Теркине никогда не употреблялось советской пропагандой, как имя Глазунова. Кроме того, А. Твардовский был великим поэтом, классиком, хорошим организатором и редактором. И. Глазунов же — второстепенный художник, получивший задание заняться конъюнктурной тематикой в живописи, то есть тематикой русской истории. Что касается советских почитателей Глазунова, — все правильно. Советскому жителю осточертели картины соцреализма; в русских сердцах Россия живет по сей день, так что любой не руссофобский, а русский художник будет иметь всегда успех. Это знало хорошо и КГБ. И заполнило пробел, иными словами брешь, Глазуновым. Поэтому понятно молчание многих эмигрантов о Глазунове. Это

западнонемецкому альманаху "Вече", выходящему, между прочим, под Российским "триколором" — бело-сине-красным, — нужно было учесть. Что касается посетителей выставок в Москве и Петрограде (назовем и мы Ленинград Петроградом, как это делает О. Лерасов, нам первое имя его намного приятнее второго. — В.З.), то, живи и я в Советском Союзе, я тоже был бы большим приверженцем творчества Глазунова. Позвольте, читатель, сделать маленькое сравнение. Если человек, живущий в СССР, посещает Православные храмы, то он делает хорошее дело. Не правда ли? Но посещает он храмы Московской патриархии. Других церквей там нет. Приходится посещать те церкви, которые существуют. Не так ли? Считаю, что так. Но если этот же человек попадает на Запад, скажем, в такой город, где имеется 12 русских зарубежных Православных храмов, а 13-й храм — храм Московской патриархии, да к тому еще, скажем, на территории советского посольства, то посещение последнего храма будет, по-моему, явным антирусским актом, актом совпатриотизма. Поэтому я считаю, что нам, антикоммунистическим эмигрантам, и к тому же национально-русски настроенным, ни в коем случае *не следует прославлять советского вельможу!* Я думаю, что и г-н О. Лерасов в 1943 году, когда Сталину потребовался русский народ для победы, увидев первого чекиста в золотых или серебряных царских погонах, не подбежал бы к нему и не сказал: "Здравия желаю, Ваше благородие!" или "Здравствуйте, господин штабс-капитан!"

Может быть, сам Глазунов — порядочный человек и любит Россию, но нам непонятно, как он это совмещает с любовью к советской системе.

Есть еще только один человек в СССР, имеющий такие же привилегии, как и Глазунов, это "журналист" Виктор Луи.

Если мы говорим о художниках, вспоминается русский, настоящий русский, художник Юрий Иванов, отсидевший больше, чем два десятка лет в советских лагерях, тоже портретист, который не имел счастья получить таких заказчиков, как Джина Лоллобриджида, а писавший огрызком карандаша на далеком севере, в лагере заключенных. Если мне память не изменила, кажется, русский, истинно национально думающий русский художник, Юрий Иванов, тоже питерский, написал портрет одного из редакторов альманаха "Вече".

Вот для меня тогда настанет настоящая Русь, когда художник Юрий Иванов — будет иметь свою выставку в Петрограде.

Необходимо сказать, что я что-то не слышал, чтобы художник Глазунов помог своему коллеге художнику Иванову, хотя бы как русский — русскому. Такой жест мог бы даже

окупить его творческую посредственность. Поэтому я считаю, что Илья Глазунов является только иллюстратором, и не более, псевдо-русского движения, инспирированного КГБ и политбюро для нейтрализации, разрядки и уничтожения истинно Русского Национального Возрождения.

Ведь не все золото, что блестит!

P.S. Возникает еще один вопрос. В альманахе "Вече" №6 опубликована статья "Отзывы на брошюру "Малая земля", критикующая Л. Брежнева как литератора. Автор статьи

подписался как Э. Мирский, полковник советской армии в отставке. Спрашивается, что это за новый "самиздат"? Советские полковники (альманах "Вече" пишет Советский с большой буквы!) печатаются в русской эмигрантской прессе! Под бело-сине-красным флагом! Нам этого не понять. Нам кажется, что такая публикация, наряду со статьей О. Лерасова о Глазунове, больше подошла бы для "Отчизны". Что же касается до робкой критики дышавшего тогда уже на ладан Брежнева, то в наше время КГБ это иногда разрешает, вспомним ленинградский журнал "Аврора".

От редакции. Нам бросилась в глаза общность темы статьи Олега Волкова о художнике Илье Глазунове в советском, предназначенном для эмигрантов журнале "Отчизна" (№6, 1980 г.), и статьи О. Лерасова о том же художнике Илье Глазунове в альманахе "Вече" (№5, 1982 г.). О. Лерасов подробно описывает выставку, устроенную советским правительством Глазунову в манеже в Москве. На эту же выставку ссылается и Олег Волков. Конечно, акценты расставлены несколько иначе, так, например, О. Лерасов пишет о выставке и, особенно, об отзывах, записанных в выложенных тетрадках, очень подробно, приводит их тексты, тогда как Олег Волков пишет более кратко. Приведем это место: "Один мне близкий человек как-то несколько неожиданно признался, что картины художника Ильи Глазунова заставили его впервые остро осознать свои русские корни, свою живую сопричастность прошлому и настоящему России, ее радости, невзгодам, надеждам и разочарованиям. Помню некоторые из этих высказываний. "Разумеется, — говорила моя собеседница, — я, как себя помню, всегда знала, что я русская, любила свой язык, нашу культуру, леса, речки, деревни, свою Москву, однако, чтобы так полно ощутить свою русскую сущность, неотторжимость от всего национального, понадобился толчок, побудитель, внезапно это открывший..." (Толчком были картины Глазунова. Ред.)

Эти слова я привел из-за того, что они совпадают с бесчисленными отзывами посетителей выставок Ильи Глазунова, в подавляющем большинстве выражавших признательность художнику, открывшему им Россию и величественные страницы ее истории. Теперь, когда можно уже с полным правом говорить о широкой известности Глазунова, о подлинно всеобщем интересе к его работам, проявляются, как мне кажется, и причины, отдавшие ему сердца зрителей, обуславлившие его выходящую из ряда популярность." ("Отчизна" №6, 1980 г. стр.36).

Невозможно привести все излияния О. Лерасова об этой же самой выставке Глазунова, о тетрадках с записями о ней, но вот несколько слов: "В 1980 г. вышла в свет отлично изданная книга "Художник и Россия". Необычная книга, ибо написана она авторским коллективом, насчитывающим более трех тысяч человек. Как относится русский народ к России — об этом мы узнаем, прочтя книгу. Узнаем также, как русский народ относится к разным, к самым различным проблемам и явлениям современности". ("Вече" №5, 1982 г., стр. 163)

Это по записям, сделанным с разрешения и соизволения советских властей предержащих, мы узнаем о том, что думает русский народ, да еще о самых различных проблемах современности! Весьма странно. Но дадим еще одну цитату из статьи О. Лерасова: "Центральная тема художественного творчества Глазунова — Россия. Тема эта разработана им многопланово, многогранно. Он ревнитель русской старины, национальной русской культуры, русских народных традиций..." (стр. 166)

И тут, и там выпячивание русских тем картин Глазунова и стыдливое замалчивание его коммунистических тем, Вьетнама, Чили, портретов советских вождей и др.

Конечно, есть разница. Олег Волков не пытается оправдывать Глазунова ввиду того, что последний — фаворит советской власти, для Олега Волкова — это одно и то же, Россия и Советский Союз. Глаз невольно останавливается на следующей фразе статьи Олега Волкова: "Убитый отец, осиротевшая семья, поруганный лик Богородицы (в статье с большой буквы! Ред.)..." (стр. 36) О каком времени это говорится? О гонениях на Церковь в 20-х годах нашего века? О конце 30-х годов с их страшным разгромом русских семей? О нет, это, видите ли, время татарского ига, время, от которого мы отделены сотнями лет! Об этом далеком прошлом Олег Волков вместе с Глазуновым проливает слезы. Гораздо более близкое и настоящее время для них обоих — табу.

О. Лерасов старается выгородить Глазунова, оправдать то, что он находится в фаворе советских властей. При этом в статье есть крайне циничные строки: "Иван Сергеевич Глазунов — народный художник СССР. Это звание не только свидетельство признания официальными советскими инстанциями выдающихся профессиональных качеств художника, оно не только удостове-

ряет его заслуги на поприще советского изобразительного искусства, но, главным образом, подтверждает бесконфликтность сосуществования его носителя с властью имущими. Илья Глазунов занимает прочное место в авангарде творческой советской интеллигенции". (стр. 165). Какое откровенно циничное признание со стороны почитателя Глазунова! Звание народного художника Глазунов получил не за свое творчество, а за другие заслуги перед властями предержащими! Какие? И вот уже исчезли лицемерные заклинания русского и России, все стало на свое место: дело идет о *советском* (а не о русском) художнике, о *советской* интеллигенции. В этом аспекте все правильно. Глазунов — советский человек, советский художник, советский заслуженный деятель (чего?), но с какой стати русские антикоммунисты должны восторгаться всем этим советским в многократной степени?! Что за странные претензии у О. Лерасова к русской антисоветской эмиграции? Впрочем, О. Лерасов выдает сам себя, показывая, что не делает разницы между русским и советским. Он начал с утверждения: записи на выставке показывают, что думает русский народ; но несколькими страницами позже он этот народ называет "советским". "Это значит, конечно, и те, кто решает, что надо показывать, а что надо прятать от советского народа." (стр. 178) А мы-то думали до сих пор, что только советская пропаганда называет народы, живущие в Советском Союзе, русских, украинцев, армян, грузин и пр., "советским народом", мы считали и считаем, что советского народа нет вообще. Существуют, как и всегда существовали, разные народы, населяющие территорию Советского Союза, самый большой среди них русский народ. Есть советская *власть* (а вернее, и она — не советская, а коммунистическая диктатура), но "советский народ" — это выдумка коммунистической пропаганды, которая старается подогнать народ под власть. Но О. Лерасов соглашается с тем, что есть советский народ, он употребляет этот термин без кавычек и тем самым выдает свое истинное отношение к русскому народу.

Вначале мы было подумали, что О. Лерасов писал свою статью под влиянием статьи Олега Волкова. Но затем невольно возникла другая мысль: а не являются ли Олег Волков и О. Лерасов одним и тем же лицом? Мы не знаем, кто такой О. Лерасов. Мы до сих пор не встречали этого имени на страницах русской зарубежной прессы. А что, если один и тот же человек пишет в советском журнале "Отчизна" под именем Олег Волков, а в альманахе "Вече" под именем О. Лерасов? Конечно, это только предположение, но в этом случае все стало бы на свое место: и восхищение художником Глазуновым, и превозношение его как члена *советского* авангарда, и "советский народ", и многое другое. Но, повторяем, мы можем только гадать.

Отметим еще одну более чем странную фразу О. Лерасова в его статье в "Вече" №5 "Заговор молчания". О. Лерасов пишет: "Не следует забывать, что не будь "русского советского" поэта Твардовского, не имела бы Россия Солженицына!" (стр. 169) Вот здорово! Так совсем и не имела бы? Что же такое А. Солженицын, самостоятельный талантливый писатель, или только функция, тень члена ЦК партии Твардовского? Не написал ли на самом деле Твардовский все романы Солженицына, но только не решился их опубликовать под своим именем? Потому что как же иначе понять, что без него не было бы Солженицына вообще? Даже и утверждать, что о Солженицыне и его творениях никто без Твардовского не узнал бы, никак нельзя. Есть разные пути. Вот мы, по темноте нашей, думали до сих пор, что было на то соизволение Всевышнего, а пути Он нашел бы и без Твардовского. Кстати, и сам Солженицын так думает, мы советуем О. Лерасову прочесть его книгу "Бодался теленок в дубом". Прочитируем из этой книги только несколько строк: "Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дальше прилегать локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы". (стр. 176) Солженицын ясно, круто и необратимо различает "русский" и "советский", а О. Лерасов пытается внушить нам, что это — одно и то же, и пишет "русский советский" поэт! Дальше мы читаем у Солженицына: "Сам в те месяцы душимый — он помогал и меня душить. Не проходит поэту безнаказано столько лет состоять в партии". (стр. 177) Не проходит и художнику безнаказано столько лет греться в лучах "солнца" коммунистической диктатуры и заслуживать, выслуживать ее необычные милости.

Б. СИДОРОВ

АГЕНТЫ СМЕРТИ

Среди многочисленных военных теорий, сохранившихся столетиями, выделяется доктрина Сун-тсу, китайского военного специалиста, проживавшего более 5000 лет тому назад. Сун-тсу считал нападение на врага военными силами лишь крайней мерой. По его мнению, неприятель должен был быть побежден изнутри, так называемыми агентами смерти. Эти агенты, притворяясь перебежчиками на сторону врага, всячески дезориентировали последнего, снабжая его ложными сведениями и вводя его в заблуждение.

Доктрина Сун-тсу пользуется успехом в Советском Союзе, где его тезисы снабжены комментариями и опубликованы. Приходится поэтому считаться с возможностью, что Москва проводит доктрину Сун-тсу, приспособив ее к современности.

Прежде чем останавливаться на этой возможности, полезно было бы бросить взгляд на окружающий нас мир. Он непривлекателен и богат преступлениями, совершаемыми как будто без особой цели. Нападения чередуются с бомбами, убийства среди бела дня с террором. Армяне внезапно решают мстить туркам за насилие, совершенное еще в прошлом веке и в начале текущего. Арабы почему-то выбирают Францию как главное поле деятельности против евреев. Во всем этом как будто нет ни связи, ни цели. Но в таком взгляде крылась бы серьезная ошибка. Большинство этих явлений связано между собой. Они принадлежат к доктрине Сун-тсу, расширенной и разработанной, и рассчитанной на то, чтобы уничтожить врага, не прибегая к открытой войне. Это становится ясным, если тщательно проанализировать конечную цель каждого явления. Цель, конечно, бывает двойкой. Террористические акты против евреев во Франции, например, имеют целью устрашение общественного мнения, преследуемое всеми актами террора. Но главная их цель в данном случае — это представить Францию как центр антисемитизма и этим настроить против нее и союза с ней влиятельные еврейские круги в Соединенных Штатах. Общность цели террора и других политических актов современности, приводящих нас в недоумение, тем не менее очевидна: большинство направлено против свободного мира и согласовано с интересами Москвы.

В нашем мире доктрина Сун-тсу в ее современном виде носит название психологической войны или психологической борьбы. Согласно советскому определению, психологическая война — это система действий, которые так координированы, чтобы оказать психологиче-

ское давление на известный круг лиц, групп и даже на правительства. Ведение психологической войны обходится ее зачинщику значительно дешевле, чем выступление военных сил, как в смысле человеческих жертв, так и в отношении денежных затрат. Сколько бы Москва ни пожертвовала демонстрациям против вооружения, расходы эти ничтожны по сравнению с опасностями, кроющимися для Советов при военном выступлении. Между тем, посредством психологического давления открывается возможность обесилить врага и даже совершенно его обезоружить.

Огромное число различных операций и методов входит в психологическую войну, начиная с террора — самого жестокого метода, — и кончая сравнительно мало значащей пропагандой, которая сильно поблекла и потеряла свое значение после раскрытия тайн советских лагерей и вообще террора. Только весьма доверчивых людей можно сегодня убедить в существовании советского рая. Место, утраченное пропагандой, сейчас занимает так называемая дезинформация, одно из самых мощных орудий психологической войны.

Что такое дезинформация? Это чрезвычайно сложный комплекс действий, направленных на то, чтобы оказать влияние на правительства, прессу, но, главным образом, на так называемые массы. Крайне упрощенное определение дезинформации обозначает ее как фальшивую информацию, наводящую на ложные заключения и наталкивающую на поступки, вредящие жертве обмана. Но это определение упускает из виду целый ряд методов, к которым прибегают дезинформаторы: их игру представлениями, замалчивание событий и т.п. Не всякий, распространяющий фальшивые сведения, является дезинформатором. Одна из главных характеристик дезинформатора — это сознание, что распространяемые им сведения ложны, и сознательное намерение извлечь выгоду из созданного им обмана.

Некоторое время до прихода к власти коммунистов на Кубе, американские газеты были полны сообщениями, рисовавшими Кастро как борца за свободу, не имеющего ничего общего с коммунизмом. Как мы знаем, это оказалось ложью. Лица, от которых шли эти слухи, распространяли их, зная, что они ложны, но надеялись, что они успокоят общественное мнение относительно Кастро и облегчат ему захват власти на Кубе. Но широкие круги на Западе верили в правдивость этих утверждений и повторяли их, не понимая что делают.

Назвать их дезинформаторами было бы грубой ошибкой.

Играя образами, дезинформатор придает отрицательному явлению черты, присущие положительному, и наоборот. Типичны в этом отношении перемены в наименовании режима, установленного в советском государстве. Сперва лица у власти в России называли себя на Западе большевиками. Когда большевизм был полностью дискредитирован на Западе из-за бесчеловечности советских деятелей, последние, повидимому, решили облегчить контакты с Западом путем замалчивания слова "большевик" и подчеркивания слова "коммунист". Но когда сведения о лагерях и расстрелах снова всколыхнули Запад, выступила необходимость опять заменить дискредитированный образ коммунизма в сношениях с Западом. И сегодня мы имеем дело с научным социализмом. Образ социализма не отпугивает. Социалист якобы не проливает крови... Он иногда приходит к власти в странах Запада. С ним можно иметь дело. И коммунисты в своем новом перевоплощении могут снова рассчитывать на дружеские отношения с Западом.

Такая же игра понятиями имела место, например, в Родезии. Повстанцы, к которым как коммунистам не стали бы особенно благоволять на Западе, начали именоваться в новостях дня "патриотами" и "националистами", что немедленно придало им привлекательность в глазах неискушенных кругов. Возможно, что это способствовало успеху "патриотов".

Дезинформатор не гнушается политическими фальшивками в любой форме, от частного письма до официального документа. Он прекрасно знает, что фальшивка будет вскоре раскрыта. Ложное обвинение, брошенное против страны, ее политики или представителя, окажется неправдой, но для него важно произвести сенсацию ложным обвинением, так как никакое опровержение неспособно вполне смыть пятно с репутации невинного человека. Характерен случай, недавно происшедший в Соединенных Штатах, где член правительства президента Рэйгана, Донован, не пользующийся симпатиями левых, был обвинен сразу же после его назначения на пост секретаря труда в подерживании связи с кругами преступного мира. Были выставлены свидетели его якобы контактов, и пришлось вмешаться прокурорскому надзору. Дело было тщательно расследовано, "свидетели" были обличены во лжи, и Донован признан ни в чем неповинным. История вскоре повторилась, когда Доновану попытались пришить соучастие в убийстве свидетеля по делу, касавшемуся преступного мира. Снова тщательное расследование и снова полное оправдание. И тут левое общественное мнение стало требовать удаления Донована с поста секретаря как человека, поставившего

правительство в неловкое положение. Удобный способ избавиться от политического недруга!

Такой же длительный эффект имеет дезинформация относительно Сальвадора. Несколько более полугода тому назад организация "Амнести Интернэшнэл", известная своими протестами против попирания прав человека в странах свободного мира и весьма терпимо относящаяся к положению вещей в Албании или в Индокитае, распространила сообщение о преступлении, совершенном сальвадорской полицией, которая будто бы загнала более 600 беженцев в пещеру, забила вход в нее и ядовитым газом умертвила всех беженцев. Сообщение давало всевозможные подробности и указывало местность, где это произошло. Некий журналист, прельщенный возможностью создать себе имя громкой статьей об этом преступлении, отправился на поиски пещеры. Указанная местность оказалась равниной, никаких пещер он не нашел. Он обратился снова к источнику этого сообщения, и ему сказали, что в указании местности произошла ошибка. Он последовал новым указаниям и попал в гористую местность, где действительно были пещеры, но небольшие по величине. При всем желании ни одна не могла вместить несколько сот людей. Не нашел он также и свидетелей преступления или лиц, слышавших о беженцах и полиции. В статье о своих поисках, напечатанной в "Вашингтон Рост", он довольно странно подвел итог своим заключениям: "К сожалению (?), — отметил он, — вся история, как и множество других сообщений из Эль Сальвадора, оказалась выдумкой".

Но эффект этим сообщением был произведен. Многочисленные религиозные и благотворительные группы, которым "Амнести Интернэшнэл" передала свой рапорт, возмущенные до глубины души бесчеловечностью сальвадорской полиции, стали требовать прекращения помощи сальвадорскому правительству. По всей вероятности, лишь очень немногим из них попала в руки статья незадачливого журналиста.

Чтобы надуть общественное мнение, дезинформаторам не требуется подробного сообщения или длинной статьи. Дезинформация чаще всего вкраплена незаметно и содержится в одной фразе или даже в одном слове. Недели три тому назад в американской газете появилась статья двух лиц, недавно побывавших в Советском Союзе. Они нарисовали картину весьма непривлекательную. Но статья содержала одну фразу, выдававшую ее назначение. Она утверждала, что коммунизма больше не существует, что советские лидеры просто глупые и никчемные люди, и впечатление от статьи создавалось такое, что Советский Союз

не опасен, и режим, в конце концов, изменится, — вооружаться против него бессмысленно. Эта линия, проводящаяся советскими дезинформаторами уже лет шестьдесят (вспомним, например, книгу В. Шульгина "Три столицы", написанную по инструкциям ГПУ), не раз помогала Москве одурачить Запад, который принимал всерьез уверения, что коммунизм распадается сам собой и его нечего бояться.

Часто слышны утверждения, что капиталистические государства пользуются дезинформацией и психологической войной так же широко и удачно, как и Советы. В доказательство

приводятся случаи из второй мировой войны. Но при этом говорящие так, забывают, что во время войны существует цензура. Тогда и демократические страны могли применять дезинформацию. В мирное же время при отсутствии цензуры ни одна страна не может применять метода дезинформации и психологической войны. Для этого требуется КГБ и пресса, захваченная властью, требуются журналисты, не смеющие раскрывать правду, и масса, опутанная сетями секретных служб. Только при этих условиях можно безнаказанно играть жизнью и доверчивостью народов.

Иосиф МАЦКЕВИЧ

Печатается в порядке дискуссии

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ...¹

Попытка определения того, что совершается в ПНР (Польская Народная Республика), сильно затрудняется наплывом дезинформации, невежеством и как сознательной, так и неосознанной лживостью. К этому следует отнести не только разного рода дезинформацию, пускаемую в обращение коммунистическими центрами в Варшаве и Москве в ходе их политической тактики, но также и разные чаяния подъяремных народов, принимаемые ими за реальную возможность. Они дезориентируют, в свою очередь, правительства свободных народов.

Основным ошибкам относятся:

1. Отождествление Советского Союза с прежней Россией, с ее традициями, стремлениями, духом и т.п., "с российским империализмом"... В действительности же, все как раз наоборот. Советскому Союзу чужды не только натура и цели прежней России, но, кроме того, и характерные черты классического "империализма". Каждый империализм принципиально эксплуатирует покоренные страны в пользу собственной страны и собственного народа, тогда как ни Россия, ни русские в Советском Союзе не получают никакой пользы от целей и действий международного коммунизма. Напротив, они стали его первой жертвой и живут во многих случаях в худших условиях, чем люди в странах якобы "колониальных" или поработанных коммунистическим центром в Москве.

Однако этот, как бы поставленный вверх ногами порядок вещей, содержится в националистической программе "поработанных народов", которые, как видно, заинтересова-

ны не в свержении коммунистического строя, но в обретении больших свобод и прав узко националистического характера в рамках того же коммунистического строя. Лозунг подобного рода встречается здесь часто: польский (украинский, белорусский и т.д.) социализм (коммунизм) вовсе не так плох, лишь бы он только не был "русским".

2. Международный коммунизм с центром в Москве не есть "империализм" в общепринятом значении этого слова. Это есть стремление к овладению всем земным шаром, целым миром, всеми народами, с целью навязать этому миру тоталитарный коммунистический строй. Никакие "руссификации" никогда не были целью коммунизма. Его целью было всегда коммунизирование мира. К этой цели ведут инфильтрация, индоктринация, массовая и частная пропаганда, и это-то самая большая угроза миру за все время его существования.

Приписывание этой опасности характера "империализма", в особенности же империализма одного только народа, не только дезориентирует мировое общественное мнение, но, прежде всего, уменьшает сознание опасности. Вышесказанное идет косвенно на пользу Москве и используется ею разными способами для технических целей.

3. Международный коммунизм в его сегодняшнем виде — это род психологической *заразы*, независимо от национальных и экономических мотивов. Свободу, настоящую свободу, может принести только свержение коммунизма, уничтожение этого строя независимо от языка, которым он пользуется. Это уничтожение не есть руководство для урегулирования каких бы то ни было пограничных, национальных, экономических и других дел и вопросов в захваченных коммунизмом странах, это исключительно руководство для восстановле-

¹ Перевод с польского из журнала "Гвезда полярна" ("Полярная звезда"), апрель 1982 года.

ния свободы. Люди остаются такими, какими были всегда: "плохими" или "хорошими", но они будут освобождены от коммунистического гнета.

4. Хочет ли мир и стремится ли он к возвращению докоммунистической свободы? Вот вопрос, перед которым мы стоим. Иногда кажется, что хочет, но не стремится. Это касается не только еще свободного мира, так называемого "западного", но также — как это ни парадоксально — и поработанного, находящегося под коммунистической пятой. Причины этого явления разные. В первую очередь влияет психоз страха перед войной (т.н. "конфронтацией"). Западный мир делает ставку на "эволюцию коммунизма", а подкоммунистический, т.е. его политическая элита, на улучшение бытовых условий без пролития крови².

5. Без сомнения, "оппозиция" в ПНР и в других подкоммунистических странах стремится не к свержению, а к улучшению коммунизма. Но одно исключает другое. Мой политический противник, Стефан Киселевский, считающийся "большим оппозиционером", пропагандирующий теперь "финляндизацию" Польши как политический рецепт, когда-то справедливо заметил: "Нельзя что-либо "свергать" и одновременно "поправлять"..."

Без сомнения, движение "Солидарность" в ПНР никогда не стремилось к свержению коммунизма, но к его исправлению, улучшению экономических, равно как и социальных условий. "Больше хлеба и свободы!" — в этом оно было последовательно. Оно согласилось на господствующую роль коммунистической партии, лишь бы она осуществлялась в ее польско-католическом издании. Нельзя, в конце концов, к чему-то ("свержение строя") стремиться и в то же время называть приписывание себе такого стремления (контрреволюции, употребления силы и т.д. и т.д.) "клеветой", "провокацией" и пр. В этом своем стремлении к "национальному соглашению" движение встретило полную поддержку со стороны Церкви, начиная с примаса Вышинского³ и кончая папой Иоанном Павлом II. И тут открывается непоследовательность, частью же и лживость в словах и лозунгах, жестах и комментариях, а также закрываются глаза на действительность: "национальное соглашение", но с кем, собственно?

6. Укажу здесь на следующий факт. В своем известном письме Горькому Ленин писал (не

имея под рукой точного текста, привожу по памяти): "Бог — это падаль, которая смрадом своего разложения отравляет весь мир..." Он никогда этих слов не брал обратно, и каждый знает, что он до самой своей смерти своего мнения не изменил. С другой стороны, весь мир знает, что ленинизм или марксизм-ленинизм представляет собой наивысшую цель и идеал международного коммунизма, а Ленин — его величайший пророк и по сей день. Возникает вопрос, знаком ли теперешний папа, избегающий слова "коммунизм", с этим письмом Ленина? Знает ли он об истинном стремлении каждого коммунизма, желающего уничтожения всякой веры в Бога? И тем не менее, мы видим такой парадокс: во время какой-то рабочей манифестации "Солидарности" в Гданьске, на металлургическом заводе имени Ленина, на стене рядом с портретом Ленина повесили портрет папы. Этот поступок следовало бы считать очень сильным оскорблением наместника Христова. Однако его везде признали актом преклонения перед папой, доказательством католической настроенности рабочих и проявлением "оппозиционных" и освободительных стремлений. Это только небольшой пример из множества непоследовательностей, смешения понятий и т.п. Всего мы здесь перечислить не можем.

Разве можно на непоследовательности и смешении понятий строить что-нибудь крепкое, постоянное? По-моему, нет. А к такому именно смешению понятий относится вера в то, что мы можем создать коммунизм, гарантирующий людям личную, политическую, экономическую и всякую иную свободу. И это, несмотря на очевидность, существующую с 1917 года: ни о каких "свободах" при коммунизме мечтать нельзя. Только его свержение даст свободу.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР В ПРОШЛОМ

Классический пример тому, что происходит теперь в Польше, мы видели 60 лет назад: это были события в Кронштадте ("Кронштадский мятеж"), недалеко от Петрограда, в марте 1921 года.

Этих событий анализировать не любят. Уже в августе 1920 года вспыхнули восстания в Тамбовской губернии (Антоновское восстание), затем в Поволжье, на Украине, на Кавказе, в Западной Сибири и т.д. Усиливались инфляция и хозяйственный кризис. В январе 1921 года большевистское правительство сократило продовольственный паек. В феврале в Москве дошло до рабочих демонстраций и забастовок. 23 февраля на фабриках Петрограда (еще не переименованного в Ленинград) начались забастовки и уличные демонстрации.

² Эти иллюзии расцвели пышным цветом после смерти Л. Брежнева. Западная пресса старается выдать КГБ-иста Ю. Андропова за либерала, реформиста и пр. (Прим. ред.)

³ У примаса Глемпа это выражено еще более отчетливо. (Прим. ред.)

Правительство мобилизовало сперва летучие отряды "красных курсантов", а затем объявило военное положение, призывая одновременно рабочих вернуться на работу. 27 февраля на улицах Петрограда появились листовки Комитета рабочих с призывом к рабочим:

"Товарищи! Поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих! Отмены военного положения!.."

На следующий день 6 тысяч рабочих Путиловского завода вышли на улицу. Большевистской власти удалось подавить демонстрацию. Были стянуты войска и значительные отряды милиции. Одновременно был повышен продовольственный паек. Вест о событиях в Петрограде дошла до Кронштадта. Команды броненосцев "Петропавловск" и "Севастополь" со звали митинги. Были выдвинуты разные требования, но не было требования изменения строя. Между прочим: "Власть советам, но без партий!" И одновременно: "Долой контрреволюцию как справа, так и слева..." Тон остался классически "социалистическим". Они отрекались от какой бы то ни было связи с антикоммунистической контрреволюцией и одно подозрение в таковой клеймили как "клевету" и "провокацию". Взывали к "непролитию крови", к спокойствию и солидарности. Большевистское правительство стягивало войска, а Революционный комитет моряков и рабочих ответил воззванием:

"Пусть знает весь мир трудящихся, что мы, защитники власти Советов, стоим на страже завоеваний Социальной Революции. Мы победим или погибнем под развалинами Кронштадта!"

Эти лозунги не вызвали восстания по всей стране. Многих они оттолкнули от участия. Большевики подавили рабоче-матросскую "опозицию". Их вожди удрали в Финляндию. А западные державы?.. 16 марта 1921 года Великобритания подписала с большевистским правительством торговый договор, и в тот же день Турция — договор о "дружбе". А 18 марта Польша заключила с Москвой мирный договор. Несколько раньше, на X съезде партии, Ленин провозгласил свой знаменитый манифест о введении в стране НЭПа. Уже тогда, как и позже, этот тактический поворот был признан "необратимым". Крестьяне с радостью вернулись к работе на "своей земле".

Этот "коммунизм с человеческим лицом" продержался несколько лет. Затем наступила коллективизация, лишение прав наследства, искусственно вызванный голод, массовая высылка "кулаков" в лагеря и страшная нищета целой страны, как везде под коммунистическими правительствами.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛЕНИНА

В теперешних выступлениях против коммунизма, в особенности же в классической пропаганде Запада, явно бросается в глаза, что о Ленине и его большевизме почти или даже совсем ничего не говорится в отрицательном тоне, в то время как очень много плохого говорится о Сталине, сталинизме, неосталинизме и т.д., как будто все зло началось со Сталина, а не с его предшественника Ленина... Почему это так? Ведь действительность была совсем иная.

Это Ленин первым ввел концентрационные лагеря, из которых самый известный находился на Соловецких островах. Это Ленин приказал топить царских офицеров в продырявленных баржах на Белом море. Он приказал убить всю императорскую семью вместе с детьми и верными слугами.

Ленинское время НЭПа, считавшееся прототипом "коммунизма с человеческим лицом", было также и временем кровавого господства "Чеки" и ГПУ в руках поляка Дзержинского, связанного с периодом жесточайшего преследования религии. Были убиты тысячи священников — православных, католических и других вероисповеданий, — архиепископов, епископов; храмы превращены были в склады и даже в конюшни. Состоялся, между прочим, показательный процесс над католическим епископом Цепляком и генеральным викарием Буткевичем, окончившийся смертным приговором. Цепляка впоследствии выпустили в Польшу, а прелата Буткевича пристрелили в подвалах "Чеки". В это время московская "Правда" от 31 марта 1923 года поместила статью о том, что смертный приговор должен быть вынесен папе в Риме — как источнику всякой контрреволюции в мире. Антирелигиозный террор охватил все края тогдашней Совдепии.

Теперь вдруг обо всем этом молчок... На Западе эти события как бы перевернуты вверх ногами по такой приблизительно схеме: "хороший" Ленин свергнул "злого" царя, а "плохой" Сталин испортил дело Ленина... Американская радиостанция Свободная Европа передавала в феврале 1982 года с некоторого рода триумфом в интонации, что нынешний коммунизм в Москве "отошел от идеалов большевистской Октябрьской революции"... Это звучит как издевательство. А вот польский журнал "Польша в Европе", издаваемый в Риме, без сомнения при поддержке его ватиканскими сферами, цитирует в номере первом 1982 года в статье "Свобода для польского народа" рядом с высказываниями епархий, также выступления в защиту Польши Энрико Берлингуэра, секретаря итальянской коммунистической партии; Тетсузо Фува, председателя

секретариата японской коммунистической партии; Кеньи Микамото, председателя ЯКП... и подчеркивает: "В польских делах коммунистические партии Японии, Италии и Испании солидаризуются...", причем в тоне положительном для этих партий. Что это, в конце концов, за журнал: антикоммунистический или прокоммунистический, "солидаризирующийся" с этими партиями? Эти мысли пересылаются на ту, подкоммунистическую, сторону для подбодрения соотечественников... В конечном итоге это созвучно с позицией всего так называемого Запада.

Эту позицию можно истолковать двояко. Во-первых, слово "революция", принято на Западе считать понятием положительным. Слово же "контрреволюция" всякая контрреволюция, — понятием не только отрицательным, но даже оскорбительной бранью. В особенности в Соединенных Штатах, где отделение их от Великобритании в 18 веке и установление независимого государства в Америке называют "революцией". То же и в Европе, где великую французскую революцию принято считать началом новой, прогрессивной эры. Отсюда, в переносе на текущую политику так называемого западного свободного мира по отношению к Москве, она не должна быть политикой свержения коммунизма (это была бы контрреволюция), но ставкой на *эволюцию*, на "истинный социализм". В этой ставке следует искать союзников среди левых, в особенности же в среде "оппозиции" самих коммунистов, а значит, в еврокоммунизме, в красном Китае и тому подобное. Ведь нельзя же под антикоммунистическим знаменем приобретать для себя и объединять коммунистических союзников. Нельзя и внушать отвращение и порочить их пророка, каким для всех коммунистов остался Ленин! Но можно бить по Сталину и "неосталинцам", которые "искажили Ленина".

Потому по адресу Москвы передаются по радио такие оскорбительные слова как "контрреволюционеры", "красные фашисты" и т.п. Или, ввиду военного положения в Польше, объявленного Ярузельским, — "генеральская хунта", "хунта неосталинцев", "партийные консерваторы", "банда красных контрреволюционеров" и тому подобные эпитеты. Но о том, чтобы их можно было бы обругать "большевистской бандой", и подумать нельзя.

Между тем, это определение было бы наиболее точным. Генерал Ярузельский никакой не изменник, как его называют в некоторых кругах эмиграции, не тарговицанин⁴ восем-

надцатого столетия, каковым называть кого-либо в настоящее время смешно. Он просто коммунист. Он был бы изменником, если бы изменил коммунизму, которому служит. Именно этого многие диссиденты и оппозиционеры понять не могут. Несмотря на все тактические маневры и ложь коммунизма, это откровенное выступление с открытым забралом говорит и о некоторой моральной силе коммунистов. Такой человек, как Ежи Путрамент из числа писателей ПНР, откровенен в своей позиции. Я его знал еще до войны. Он всегда был коммунистом, таковым и остался. То, что он пишет, мне ненавистно, но я знаю, что написано это искренне, тогда как плеяда современных писателей с ее выкрутасами, недоговоренностями, самоцензурой, подлаживанием к "народному согласию" и т.д. полна внутренней лжи, и пишет она не из искреннего побуждения, а заботясь лишь о том, чтобы "не перейти границы" договаривания правды, не "выдвинуться" особенно, чтобы приспособиться к внешней форме. Это их слабость. К ним принадлежат как люди с антикоммунистическим прошлым, так и бывшие коммунисты, перекинувшиеся к "диссидентам".

Ни Запад, ни оппозиционные движения в советском блоке, в значительной степени манипулированные самой партией, не борются и не хотят бороться с самим коммунизмом.

"НЕ ДОПУСТИТЬ ДО КРОВОПРОЛИТИЯ!"

Это самый распространенный в мире лозунг, в особенности подчеркиваемый наивысшим моральным авторитетом, представленным в этом мире Главой Католической Церкви. Не допустить до кровопролития в борьбе с коммунистами.

Я живу в Германии, и как-то попалась мне в руки мелкая газетная заметка из какой-то немецкой статистики. За прошлый 1981 год в катастрофах на дорогах ФРГ 11800 человек убито и 470000 ранено; из последних многие умерли потом в больницах или остались калеками на всю жизнь. Тут не место для анализа сравнительной статистики. Но мы знаем, что аналогичная статистика имеется во всех странах Европы, где она дает приблизительно тот же процент. А во всем мире? Грубо закругленные числа достигают миллионов. Помноженные лет на десять, они дали бы... Конечно, неразумно было бы требовать от папы или от иных мировых моральных авторитетов, чтобы они осудили развитие автомобильного движения в мире или даже требовали бы его упразднения. Но можно себе вообразить тот громкий крик, какой бы поднялся, если бы столько же людей погибло в борьбе против коммунизма. А ведь если всемирный коммунизм овладеет

⁴ Тарговицане — члены конфедерации, заключенной в Тарговице Волыни в мае 1792 года реакционными силами, выступавшими против постановления Конституции 3-го мая 1791 года.

земным шаром, то это, кажется, дело гораздо более важное, чем развитие автомобилизма. Над этим сопоставлением люди смогут справедливо смеяться. Тем не менее, мы видим, дело не в пролитии крови как таковом, а в целях, для каких она проливается.

Так же обстоит дело с осуждением войны, каждой войны, как говорится. Но говорится неосновательно. Известный британский публицист, Филип ван дер Эст, написал в 1979 году обширный труд, в котором приводит статистику коммунистических убийств. В этом труде автор пишет, что, начиная с 1917 года, т.е. с "великой октябрьской", коммунисты истребили 143 миллиона человек.... Это значит во много раз больше, чем за всю свою жизнь и время войны успел уничтожить Гитлер. (Заметим в скобках: в царской России за время от 1821 до 1906 года было казнено едва 997 человек.) Однако трудно все же вообразить, чтобы папа и мораль общественного мнения могли бы сегодня войну против Гитлера счесть "преступлением"... Конечно, этого вообразить нельзя. Каждый согласится, что это была справедливая война и что без этой войны гитлеризм мог бы и дальше неистовствовать на земле. Почему же в таком случае война против коммунизма должна быть "преступлением"?... Мне кажется, что каждая война против преступника должна быть признана правильной и справедливой.

Так или иначе войны нельзя вычеркнуть из жизни человечества. В продолжении последних 300 лет только 60 лет прошли без войн, а с 1945 года, т.е. с конца последней мировой, их было всего сорок...

Выдумали новое сверх-пугало: атомная война, которая может уничтожить нашу планету. После каждого нового военного изобретения, начиная с новой системы луков, затем артиллерии, пулеметов, ядовитых газов и т.п., предсказывали конец эры войн из-за их слишком большой разрушительной силы. Ничего из этого не сбылось. Хиросима считается теперь отпугивающим символом, но не говорится о том, что бомбардировка Дрездена в последней войне союзными бомбардировщиками обыкновенными авиабомбами, повлекла за собой в четыре раза больше жертв, чем было погибших в Хиросиме. Об этом не говорится, потому что не подобает. То обстоятельство, что мы слишком считаемся с тем, что подобает и чего "не подобает" говорить, — есть сильный тормоз в нашем интеллектуальном развитии вообще, и в политическом в частности.

ОПЯТЬ: ПРАВДА НАВЫВОРОТ...

Советский Союз представляется нам вооруженной до зубов, в военном отношении очень сильной державой. В действительности же дело обстоит совсем наоборот. Советский Союз, ве-

роятно, самая слабая держава в истории. Разные бывали государства, но такого, в котором 90% своего народа желало бы его падения, еще никогда не было. Тот, кто пережил последнюю советско-германскую войну, видел собственными глазами то, что происходило в ее начале... Вот именно об этом-то и не принято рассказывать вслух. Вступление Гитлера в СССР в июне 1941 года было большинством населения, в частности и русского, принято как "освобождение". Но кто как бы высказывался за Гитлера, тот в глазах общественного мнения "плох". Потому и пример, хотя и наглядный, "плох". Не буду приводить общеизвестных примеров, зафиксированных даже в литературных трудах: целые советские армии массово сдавались, переходили на сторону захватчика. А население приветствовало его хлебом и солью. Количество пленных дошло в первых месяцах до небывалого количества — до многих миллионов. Однако же Гитлер проиграл войну...

Мы знаем Гитлера и его политику бесчисленных преступлений, зато меньше известна его безграничная глупость; глупость его системы и его политических концепций. У него в кармане была уже выигранная война, прежде чем он перешел советскую границу. А он сделал все, чтобы проиграть... Гитлер не боролся с коммунизмом. Эта война — демонстративный пример "не войны". Он воевал с народами и "расами". Врагом он считал не коммунизм, а "еврейскую расу" и славянские народы. Большеизм был в его глазах продуктом еврейской расы; с восточно-европейскими людьми он обращался как с полулюдьми (унтерменшами). Будучи сам революционером и, прежде всего, национал-социалистом, он всей душой ненавидел всякую контрреволюцию и вообще всех "правых". Он многократно говорил, что немецкий солдат воюет на востоке с Советами не для того, чтобы ввести в России контрреволюционный режим. Он сравнивал русских с людьми "из грязи". Таким образом, он превратил "освобождение", которого ожидали, в кровавое унижение человеческого достоинства. Он обратил "освобождение" в собственное поражение. И несмотря на все это, миллионы людей (русских 1800000, украинцев, белоруссов, жителей Прибалтики, Кавказа, Дона, азиатов и т.д.) еще с оружием в руках выдержали на антисоветской стороне с Гитлером до конца. Так сильна была ненависть к коммунистическому строю.

В теперешней оценке советского блока (не исключая Польши) есть, собственно, немало от этого самого "гитлеризма". Этот блок не хотя бы рассматривать как коммунизм: в нем видят "Россию" и "русских". Между тем, разрушить этот блок можно не военной силой, а силой политико-пропагандной. Рецепт

готов: взять за образец политику Гитлера и сделать все противоположно тому, что сделал он, то есть из "захватчика" превратиться в действительного освободителя всех народов, томящихся под игом коммунизма.

Но даже и с чисто военной точки зрения Советский Союз во многом слабее "Запада". Недавно шведский институт военных исследований в Стокгольме опубликовал результаты этих исследований в журнале "EST". Это подробный анализ, приводить которого мы здесь за недостатком места не будем, и исследование всех участков, зон, родов оружия и ситуации сравнительно с Западом. В результате этого исследования оказывается, что Варшавский пакт в военном отношении на суше, на море и в воздухе по крайней мере в пять раз слабее Атлантического пакта, а не наоборот, как это любят утверждать. При этом принимается во внимание и атомное оружие.

Из этого следует, что Советский Союз и весь его блок представляет собой государство, которое больше всего опасается открытой войны ("конфронтация"), т.к. если свободный мир верно оценит положение и применит правильную политику, то советский блок развалится на куски при первом же военном столкновении. Распадается также вся наступательная психологическая сеть коммунизма, которая теперь опутывает земной шар и ему угрожает.

ПРОСТОЙ РАСЧЕТ

Международный коммунизм исходит из совсем простого расчета: зачем рисковать войной (гибель), в то время как без войны можно почти голыми руками овладеть миром. Поэтому наступательный и оборонительный планы неразрывно связаны в один. Инфильтрация, индоктринация, дезинформация, старание методами коммунистического воздействия овладеть влиятельными сферами свободного мира, левыми всякого рода, "прогрессивными", пацифистами и т.д. и т.п. — нам всем хорошо известны. Уже в двадцатых годах был задуман и с успехом проведен провокационный план, известный под названием "ТРЕСТ", который, с одной стороны, должен был насадить на Западе представление о происходящих в Советском Союзе больших внутренних переменах "эволюционного" характера, а с другой — предостерегать от войны, которая бы свела на нет эти перемены и усилила бы бескомпромиссность коммунизма. С этого времени в свободном мире не угасла надежда на "эволюцию" Москвы, с успехом поддерживаемая всякими махинациями "диссидентов". После второй мировой войны приобрели известность коммунистические "Конгрессы мира", к которым привлекались различного рода элементы, в особенности из среды интеллектуальных,

"прогрессивных" христиан. Они оказались уже ненужными со времени Второго ватиканского собора, когда папы мир превратили в высшую добродетель и вознесли его почти до степени святого канона. Лишь бы не война! Только не кровопролитие! И не только во внешней войне, но и — сохрани Бог — в гражданской, контрреволюционной! Тем более, что была широко пущена в ход в новом издании весть о "неантагонистической" оппозиции в коммунистических государствах, т.е. такой оппозиции, которая стремится к "исправлению" коммунизма путем эволюции, а уничтожение его силой исключает. Это движение началось в самом Советском Союзе еще во времена Хрущева. Знаменитые "самиздаты", даже с адресами редакций и авторов, т.е. почти явные, получили во всем мире широкую известность. Они имели тем большее значение, что попутно укрепляли веру Запада в происходящую в коммунистическом блоке "эволюцию", о которой все мечтают, т.к. она представляет собой альтернативу, исключающую всякую войну. Все организованные на Западе, получившие широкую известность "слушания им. Сахарова" отличались тем, что при всем их показном антикоммунизме⁵ к ним допускались только "невинные жертвы коммунистического строя", но, как правило, коммунизму не враждебные. (Сами виноваты, если заслужили репрессии...) Солженицын, которого выпустили со всей семьей и целым архивом, дошел на Западе до вершины славы. Его деятельность свелась к тому, что он с высоты своего положения, как видный "антикоммунист", начал проводить три самых важных для Москвы постулата:

1. Что Запад сгнил и не способен к борьбе (уже Ленин сказал, что он готов "продать веревку, на которой его повесят, лишь бы заработать"). Итак, на Запад рассчитывать нельзя.

2. Что коммунизм представляет собой военную мощь, которой, как он сказал, не понадобится даже атомной бомбы, она разобьет Запад голым кулаком! (И Запад со страху распластался лепешкой). А самое главное

3. что с коммунизмом можно бороться только духовным перерождением, правдолюбием, молитвой Богу, но никогда — как он написал в своем ГУЛаге — "ни ножом, ни мечом, ни винтовкой"⁶.

⁵ Сахаровские слушания, начиная со второго, в Риме в 1977 году, даже не старались показать себя антикоммунистическими. (Прим. пер.)

⁶ А.И.Солженицын писал и говорил по вопросу о вооруженной борьбе против коммунизма в разное время разное. Для всей российской эмиграции было бы важно, если бы Солженицын высказал ясно свое мнение по этому вопросу — так, чтобы не было никакой двойственности и никакого сомнения. (Прим. пер.)

Эти-то три тезиса нужны Москве. На все другие слова Солженицына, из которых некоторые замечательны, Москве, как говорил Ленин, "наплевать!" Ясно, что если бы такое проповедовал советский агент, то оно не имело бы никакого значения. Значение имеет именно то, что это говорит тот, кого считают "апостолом антикоммунизма"...

По этой именно линии и образцам пошли другие неантагонистические "оппозиции" в советском блоке и вне его границ. Прежде всего, так называемый "еврокоммунизм". В самом названии уже заключена грубая дезинформация. Ведь Маркс и Энгельс и, наконец, сам Ленин родились в Европе, и теперешний коммунизм совсем не азиатский, не африканский, не американский, он только пересажен в разные части света из Европы. Коммунизм был всегда "еврокоммунизмом". Ленин указывал способ его распространения и применение как можно более действенной тактики.

В 1968 году не было в действительности никакого "нападения на Чехословакию", ни так называемой "доктрины Брежнева". Это не было какое-то внешнее столкновение, а только внутрикоммунистический спор, и притом не по новой доктрине Брежнева, а по старой Ленина. Так обстояло дело в Венгрии, в Польше времени Гомулки, в Румынии, а еще до того в Югославии и, наконец, недавно в теперешней ПНР Ярузельского с его "военным положением".

Тут следует оговориться. Подобного рода частично манипулированные неантагонистические оппозиции нигде не представляют собой продукта работы КГБ или "Безпеки", как это обыкновенно говорится. Полицейские власти коммунистического строя располагают минимальной свободой инициативы. Это в тоталитарных системах само собой разумеется. Всем руководит сама партия. Если между ней и некоторыми "оппозиционными" движениями дело доходит до контактов, то это происходит исключительно на основании тайного соглашения центра партии с руководителями определенных движений для достижения заранее условленных компромиссов, но это опять-таки не означает, что все участники знают, к чему это ведет или должно повести. Наоборот!

90% принимающих участие в такой оппозиции действуют наверняка из искренних побуждений с глубокой уверенностью, что так следует и должно поступать.

Так обстоит дело с теперешней "Солидарностью" в ПНР, которая признает первенство коммунистической партии и отказывается от желания ее свергнуть и даже от политической роли⁸.

ПЕРЕЙДЕТ ЛИ КОЛИЧЕСТВО В КАЧЕСТВО?

Маркс учил нас, что да, что перейдет. Дай Бог, чтобы он оказался прав.

Все до сих пор существовавшие и существующие "оппозиции", отвергающие контрреволюцию, фактически служат на руку Москве, так как действуют для улучшения и усиления коммунизма, а не к его ослаблению. Но мы все люди, все человеки. Коммунисты, стремящиеся к овладению всем миром, тоже только люди. Людям присущи ошибки и просчеты. Если внутренние сотрясения в советском блоке усилятся, если они выскользнут из рук коммунистических плановиков, то они могут вдруг превратиться в новое качество... При благоприятных внешних условиях они даже смогут привести к падению коммунизма. Действенные, трудно учитываемые факторы, играют большую роль в жизни людей, в жизни народов, в совокупности разных исторических обстоятельств. "Оппозиция", делающаяся частично партией, при количественном нарастании может вдруг преобразиться в громкий всеобщий крик: "Долой советскую власть!" Довольно этого братания с коммунистами, этой игры во взаимное соглашение и отдельную солидарность народов во имя "государственных" интересов. Призыв, который сорвется, как вихрь, перескочит границы и охватит всех не для "примирения народа" или "социального примирения", а для того, чтобы извергнуть из общества коммунистическую заразу. Призыв, который вернет рассудок как угнетенным, так и пока еще свободным людям на свете!

Будем надеяться, что так может стать.

⁸ "Солидарность" теперь на всякий случай запрещена. Вряд ли у нее найдутся силы для сопротивления. (Прим. пер.)

⁷ Учреждение в Польше, соответствующее КГБ.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

О ПРЕПОДОБНОМ СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ*

Как известно, преподобный Серафим Саровский жил в конце XVIII и в начале XIX столетия, являясь современником Пушкина, Державина, Карамзина, Жуковского и многих других замечательных представителей молодой русской интеллигенции прошлого столетия. Но преподобный Серафим не имел прямого отношения к образованной или высокопоставленной элите тогдашнего российского общества. Он как бы являлся представителем простых верующих православных людей, исконного народного массива, ставшего в веках русской истории носителем и подвижником Православия, хранителем веры и опорой Православной Церкви. К сожалению, в русском интеллигентном обществе его верующие представители с некоторым скептицизмом относились (и относятся) к этого рода православным, а особенно к носителям духовного сана "из простецов", стараясь прилечь к интеллигентным слоям верующих людей и к так называемым "передовым батюшкам". Эти люди во многом неправы, но иногда их возражения и были обоснованы, ибо далеко не всегда простота веры обеспечивает, например, успешность пастырского делания, равно как и образованность священника не является гарантией плодотворности его деятельности и надлежащей степени духовности.

Преподобный Серафим, по мнению исследователей его жизни, во многом напоминает Антония Великого в смысле прозорливости, удивительной безыскусственности и постижения духовных глубин богословия. Духовные дары, данные Богом Его подвижнику, настолько велики и обильны, что не приходится даже называть его монахом-простоцем. Это все покрывается его потрясающей духовностью, а в социальном аспекте преподобный как бы выходит из традиционных рамок современного ему сословного общества, объединяя его в себе и находясь одновременно как бы над ним. Недаром к нему приходили представители всех без исключения слоев тогдашней России, находя у него утешение и руководство в жизни. Преподобный не оставил после себя письменных трудов, но его высказывания и наставления были записаны разными людьми и в таком виде дошли до нас. Последнее обстоятельство дает нам возможность остановиться на некоторых его изречениях, весьма жизненных

и полезных для верующих и в наши судьбоносные дни.

Преподобный Серафим уже здесь, на земле, жил в ином мире и всегда в своем сердце носил Пасху Господню, приветствуя всех: "Радость моя, Христос Воскресе!" И как завет нам, звучат его слова: "Радость моя, стяжи дух мирен — и тысячи спасутся около тебя!.." И как трагично, что об этом простом, но кардинальном совете забывают почти все те, кто формально относится к христианам.

"Где Бог, там нет зла", — поучает нас преподобный. "Все, происходящее от Бога, мирно и полезно приводит человека к смирению и самоосуждению". Бог посылает в жизни человека различные обстоятельства, которые далеко не всегда нравятся своенравной человеческой душе. Не понимают часто многие люди всю промыслительность посланного им. Иногда только в конце жизни, анализируя пройденный ими путь, они начинают что-то понимать. Блажен тот, кто сразу поймет промыслительность происходящего с ним и радостно пойдет по Божьему пути. Но, поняв и сознательно пойдя по пути Промысла, человек одновременно осознает всю свою малость и крайнее несовершенство пред лицом Бога, свою греховность и немощность. Именно поэтому преп. Серафим и связывает познание происходящего с нами по воле Божией с возникновением чувства смирения (т.е. познания собственного несовершенства) и желания покаяния. Связь эта неслучайна и очень тонко подмечена им.

Не в бровь, а, как говорится, прямо в глаз многих современных верующих попадают следующие исключительно жизненные слова преподобного. "Если человек сам печется о своих делах и обращается с молитвой к Богу только тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных своих силах не видит он средств к отвращению их, и начинает надеяться на помощь Божию — такая надежда суетна и ложна". А разве это не так? Разве не обращаются к Богу множество людей именно тогда, когда их постигает беда? Недаром имеется народная поговорка — "гром не грянет, мужик не перекрестится". И преподобный предупреждает нас от такого подхода. Напрасны в подобном случае (за некоторым исключением) будут наши вынужденные обстоятельствами обращения к Богу. Бог слышит тех Своих сынов, которые так или иначе мысленно и молитвенно всегда находятся с Ним (а мысль — это тоже молитва), не забывают о Нем, верят Ему, а не вспоминают о Боге только тогда, когда

* Народно-религиозная беседа. Составлена по материалам, написанным в СССР.

пришла беда. Впрочем, и беда может быть промыслительной, для того, чтобы подобного рода люди вспомнили о Боге. Это также относится и ко всем, кто считает достаточным прочитывать, иногда даже наспех, утром и вечером двести молитвы и успокоиться на этом с полным сознанием исполненного религиозного долга, не отдавая себе отчета в неправильности подобного подхода к молитве. Преподобный знал и об этом. Знал он и о том, что суета мира сего, условия жизни многих людей не дают им возможности каждый день творить положенное Церковью молитвенное правило. Кроме того, к отцу Серафиму приходили люди и не умудренные грамотой. В то время подобное явление для простого народа было совершенно нормальным. Им недоступен был даже и простейший молитвослов. Поэтому, снисходя к немощам и слабостям человеческим и учитывая условия жизни также и образованных слоев современного ему общества, не желая никого обременять непосильным молитвенным подвигом, преподобный предлагал всем желающим для исполнения следующее ежедневное молитвенное правило, знание и исполнение которого было бы весьма полезно для всех православных, "не имеющих времени для молитвы" или находящихся в условиях, в которых невозможно совершить положенное правило. Молитвенное правило преп. Серафима легко воспроизвести наизусть.

"Вставши от сна, — говорит преподобный, — всякий христианин, став перед святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню "Отче наш" трижды, в честь Пресвятой Троицы; потом песнь Богородице "Богородица Дево, радуйся", также трижды, и, наконец, Символ веры, единожды. Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом." Добавим, что в условиях, где нельзя открыто молиться или где молитва запрещена законом, правило преп. Серафима можно незаметно выполнять.

"Во время же работы, — продолжает преподобный, — дома или в пути куда-нибудь пусть тихо читает: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного", а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только: "Господи помилуй" и продолжает до обеда. Перед самым же обедом пусть совершает вышеуказанное утреннее правило. Отходя ко сну, всякий христианин пусть снова прочитает утреннее правило; после то-

го пусть засыпает, оградив себя крестным знамением." Опуская мелкие детали, мы передаем основные молитвенные наставления преподобного. Держась указанного правила, можно, по мнению преподобного, достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы — основание всего христианства. А молитва — это путь к Господу, необходимый для нашего спасения и достижения основной цели нашей жизни — стяжания Духа Святого Божия.

Много имеется записей высказываний преп. Серафима. Всех их невозможно передать сразу. Но невольно хочется напомнить еще о следующих некоторых наставлениях. Предупреждает преподобный всех православных, чтобы не смущались своим недостойнством и не уклонялись под всякими благовидными предложениями от частого причащения Святых Таин. Такое смущение, отводящее нас от причащения, — искушение от дьявола. В связи с этим также напоминает нам всем преподобный и о посте. Пост, по мнению преп. Серафима, состоит не в том, чтобы есть только постное и редко, а в том, чтобы есть мало, или иначе — хранить принцип воздержания. Но пост, как учит Церковь, рассчитан на здоровых людей, а не на больных. И учитывая это, преподобный напоминает нам о необходимости заботиться о теле при болезненном его состоянии или при тяжелых физических трудах. И сразу же напоминает нам о другом: кто переносит свои болезни с терпением и благодарением, тому эта болезнь вменяется вместо подвига и даже больше того.

Так учит нас преподобный Серафим. Учит нас и бороться с унынием, удалять его от себя и иметь радостный дух. Он не враг разумной и пристойной веселости. "Веселость, — по его мнению, — не грех, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет: оно все приводит за собою." А врачует уныние только молитвою, воздержанием от празднословия, работой, чтением слова Божия и терпением, потому что рождается оно от малодушия, иногда от праздности и празднословия, а иногда, наоборот, от утомления.

Все поучения преподобного Серафима отличаются необыкновенной жизненностью, духовной глубиной при необыкновенной простоте изложения, и они остаются актуальными для каждого верующего так же, как они были жизненны и доходчивы при его жизни два века тому назад.

Романо ГУАРДИНИ

ГОСПОДЬ*

4. ЦЕРКОВЬ

Теперь мы еще раз вернемся к тому достопамятному событию, о котором Матфей повествует в шестнадцатой главе: в начале Своего странствия в Иерусалим Иисус спрашивает, за кого Его принимают люди. В ответ ученики говорят о различных мнениях, распространяющихся в народе. Тогда Он спрашивает их об их собственном мнении, и Петр отвечает: "Ты — Христос, Сын Бога Живого". Иисус называет его блаженным, потому что он говорит не по собственному человеческому знанию, но по просветлению от Отца, и продолжает: "Ты, Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (16,13–18).

Мы уже отметили, что по этому случаю Иисус впервые открыто и недвусмысленно объявляет Себя Мессией. Впервые Он здесь определенно предсказывает Свою смерть. И это также тот час, когда Он определенно говорит о Церкви. Три факта отныне связаны между собой: мессианское посланничество Иисуса, Его смерть и Церковь. В тот час Церкви еще не было; она и впоследствии возникла не сама собой, как результат действия исторических сил, но ее основал Иисус из полноты Своей мессианской власти: "на сем камне Я создам Церковь Мою". Решение, враждебное Его благовествованию, состоялось; Он идет навстречу смерти. Злые силы действуют, и Церковь будет подвергаться их нападениям, но она будет стоять как камень, твердо и непоколебимо. Все это теперь едино, и расчленив это уже невозможно.

Теперь, когда реальность Церкви так ясно выступила перед нашими глазами, наше внимание привлекают и другие высказывания Иисуса, и мы видим, как они связаны с ней.

Сюда относится прежде всего посланничество учеников, о котором мы один раз уже говорили подробно. Посланничество — значит передача власти: "Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается" (Лк 10,16). Здесь к людям посылаются не только просветленные мужи, способные шевелить сердца, но снабженные полномочием исполнители определенного поручения. Они больше своей человеческой одаренности и своей религиозной исполненности, ибо они

исполняют определенную должность. Это уже "Церковь".

Другой раз Иисус говорит о долге по отношению к брату, идущему неверным путем. Сначала, как того требует чувство деликатности, его следует увещивать с глазу на глаз. Если он не слушает, следует позвать еще одного или двух, чтобы придать словам больше веса. Если он и тогда противится, "скажи *экклесии*". Значение этого слова здесь еще колеблется между "общиной" и "Церковью"; но во всяком случае оно означает нечто облеченное авторитетом. И дальше сказано: "Если и *экклесии* не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь" (Мф 18,15–17).

На Тайной Вечере Иисус основывает тайну Евхаристии, обетование которой Он дал уже в Капернауме (Ин 6). Она — жертва и таинство вместе, мистерия нового общения, центральная тайна нового Завета (Мф 26, 26–29). Вокруг нее строится Церковь. Ее совершение есть биение живого сердца (ср. Деян 2,46).

После воскресения, в достопамятное мгновение у озера, Иисус обращает к Петру вопрос: "Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?" Трижды спрашивает Он. Трижды Петр отвечает, с болью и стыдом искупая свою измену. Трижды он слышит поручаемое ему: "Паси агнцев Моих, паси овец Моих". Это тоже — Церковь. Некогда Иисус сказал Петру: "Ты камень". И потом: "Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих" (Лк 22,32). Теперь же: будь пастырем над агнцами и овцами — пастырем над всей землей, где есть и большие, и малые, и сильные, и слабые. Опять это — Церковь, основанная на единстве фундамента, устроенная в единстве главы и руководства (Ин 21,15–23). Может быть, мы имеем право сказать, что Церковь была основана словами, сказанными в Кесарее Филипповой. Родилась она только на Пятидесятницу, когда Дух Святой сошел и верующих во Христа спаял воедино. С этого мгновения они уже не были просто отдельными личностями, соединенными привязанностью к общему Учителю, — отныне это было уже "тело"; единство надличного сознания; тесная связь, основанная на том, что Христос жил в них и они жили во Христе (1 Кор 12,13). Возникло это Духом Святым, как все, что живет от Бога, возникает Духом Святым. И сразу же встает тот, кого Господь поставил основанием и пастырем, и говорит. Его слова — первые слова Церкви (Деян 2,14).

Что означает Церковь в понимании Иисуса? На этот вопрос ответить не просто. Но это не

* Главы из книги.

должно нас пугать, — мы ведь все время стараемся отбросить ту ложную простоту, которая представляет собой не что иное как кажущуюся понятность издавна привычных представлений. Мы хотим испытать новизну веры, возникающую тогда, когда у человека открываются глаза на то новое для всех времен, что есть во Христе. В этом нам должна помочь мысль, все время повторяющаяся в наших заметках, а именно, что в жизни Господа действительно было принято решение. Его благовествование не было принято, и неизменная искупительная Божья воля избрала путь через страдание. И мы ставим себе вопрос: появилась бы Церковь, если бы народ открылся Господнему благовествованию?

Наш религиозный индивидуализм приводит нас к мысли сказать: нет. Человек в отдельности обратился бы к Господу, во Христе он был бы непосредственно связан с Отцом, ничто не стояло бы между душой и Богом, открывающимся во Христе. Но это не так. Мы помним "первую и наибольшую заповедь" (Мф 22,37 — 39). Она требует от христианина любить Бога всеми своими силами и ближнего своего как самого себя. Оба требования составляют одно целое. Невозможно любить Бога и не любить ближнего. Любовь — это один сплошной поток, идущий от Бога ко мне, от меня к ближнему, от ближнего к Богу. Это уже не индивидуализм, а живая связь — и не только с близким мне отдельным человеком: поток должен идти ко всем. Иисус однажды увещевает отказать от властолюбия: никто не должен называться отцом или учителем, — один у вас Отец, Тот, Который на небе, один у вас учитель, Христос; а вы — братья (Мф 23,8–12). Здесь говорится о христианском "мы". Верующие должны быть объединены в братской общине. Это — Божья семья, в которой все — братья и сестры и Один — Отец. Павел впоследствии выражает эту мысль с большой проникновенностью, говоря о Христе, что Он "первородный между многими братьями" (Рим 8, 29). Эта связь и выражается в этике Нагорной проповеди, и она становится молитвой в "Отче наш".

Все это уже Церковь. Иоанн, имеющий такое глубокое знание о внутреннем единстве христианского существования, в своем первом Послании говорит об этой жизненной общности словами, целиком исходящими из духа Христова.

Достаточно ли этого? Отдельные люди всюду связаны во Христе с Отцом и между собою святым братством? Является ли Божья семья пределом? Мы уже неоднократно видели, что те, к кому обращается Иисус, это и не отдельные люди, и не человечество вообще, а определенная историческая реальность, избранный народ, со всем, что к нему относится: с избран-

ностью, руководством, верностью и отпадением. Этот народ должен сказать свое слово. В новое, искупленное существование должно включиться решение. И то, что тогда будет держаться в вере, будет опять "народом". Уже не прежним, природным, — новый образ должен быть в духе, — но все же оставаться в истории. Таким образом в духе есть опять народ, "Новый Израиль", о котором говорит послание к Галатам (4,21–26), — "царственное священство, народ святой", согласно первому Посланию Петра (2,9).

Опять это — Церковь; историческая реальность со своей судьбой и ответственностью. И Божья семья вновь поставлена перед серьезностью решения. Эта Церковь должна быть в истории, излучать свою силу, привлекать к себе, переделывать. Проходя через все существующие народы, новый народ должен был возникнуть от Духа. Но все-таки — народ: не множество отдельных людей и не неопределенное человечество. Народ, появляющийся в ходе долгой истории, по призванию, под водительством, из сплетения судьбы и в свою очередь являющийся носителем истории — истории Царства Божия в мире. Под конец все множество людей и Новый Народ должны были совпасть; и как каждая природная народность должна получить свое исполнение в народе, исшедшем из духа, так и все человечество должно было быть упразднено и исполнено в искупленной всечеловечности. Но замысел Церкви шире, он охватывает не только человечество; заложенное в ней творческое начало должно объять все мироздание и его преобразовать. Послания апостола Павла к Римлянам, к Ефессянам и к Колоссянам говорят об этой тайне. "Церковью" было бы измененное человечество в измененном мире — возрожденное от Духа Новое Творение.

Но не в бесформенном энтузиазме. Двух мнений не может быть: во всем этом были бы апостольский сан и посланничество, власть и послушание, различие служений, таинства и участие, — иначе говоря, упорядочное целое и тем самым воистину Церковь. Это было высказано уже тогда, когда апостолы пошли на проповедь, то есть до того главного решения. Об этом говорит и Павел, упоминая о множественности членов в одном теле, о дарах в одном Духе, о разнообразных проявлениях и органическом единстве (см. в особенности 1 Кор 12–14). Это та же мысль, которая появляется в притче о единой виноградной лозе и многих гроздях (Ин 15,1–8). Не должны мы также забывать и того образа — Нового Иерусалима, — который появляется в пророчестве о мессианском Царстве (Ис 65,17). Непосредственно под этим понимается действительный город, но затем он превращается в нечто более высокое — в святой город Мессии. Павел, в

Послании к Галатам, также говорит о нем, о горнем Иерусалиме, который свободен верою и благодатью и в свободе рождает своих детей, тогда как старый Иерусалим пребывал в не-свободе плоти (Гал 4,21–26). В Апокалипсисе же этот образ становится сияющим. Здесь Иерусалим — небесный город, единство святого народа людей (21, 9–27). Здесь опять Церковь — как упорядоченная община, как осмысленно устроенная общая жизнь, обладающая силой в истории. Здесь это понятие становится предельно проникновенным.

Церковь же, как мы ее знаем теперь, — такова ли она, какой она была бы при открытом пришествии Царства Божия?

Церковь должна была быть — Иисус не искал индивидуалистической веры. Но, конечно, это должна быть Церковь доверия, свободы и любви. Это не означает "духовной Церкви", которая не была бы телом, которая не могла бы действительно войти в историю. Всегда были бы разные члены и порядок, сан и различие служений, ведущие и ведомые, священство и миряне, авторитетное учение и послушное принятие. Но в свободе, доверии и любви. Но произошло второе грехопадение, бунт против Сына Божия, и вследствие этого в Церкви существует опасность неправильно понять святой порядок как "закон" и злоупотреблять им для несвободы.

Что же такое Церковь сегодня?

Полнота благодати, действующей в истории. Тайна единства, в которую Бог через Христа вовлекает творение. Семья детей Божиих. Начало нового, святого народа. Основание святого города, который некогда станет явным... Но вместе с тем в ней имеется опасность несвободы, "закона". Говоря о Церкви, мы не должны делать вид, будто бы нет ничего плохого в том, что Христос был отвергнут и страдал. Это плохо. Искупление должно было произойти не так. Произошло оно так по вине людей, и последствия этого вошли в христианское существование. У нас нет ни той Церкви, которая могла бы возникнуть тогда, ни той, которая некогда будет. У нас Церковь, несущая в себе последствия того трагического решения.

Тем не менее она останется тайной Нового Творения. Она — мать, все время рожающая небесную жизнь. Между ней и Христом царит бесконечная мистерия любви. Она Его невеста. Там, где Павел говорит о тайне христианского брака (Еф 5,32), он его обосновывает, включая его в тайну, охватывающую большее, в тайну связи между Христом и Церковью. (Правда нельзя об этом говорить легкомысленно, ибо это действительно "трудно постигнуть", и брак становится в этой тайне не более понятным, но еще более загадочным). Церковь есть святой народ человеческий, — семья Божиих

детей, собранная вокруг первородного Брата, — святой город, конечное откровение которого описывает Апокалипсис. И как сияет мистерия предельной красоты и любви, когда вдруг из блистающего горного града является Невеста, нисходящая навстречу Жениху!..

Все это есть. А вместе с тем есть и жестокости, и недостатки, и злоупотребления. Мы не можем только принимать все в целом. Церковь есть тайна веры, и переживать ее можно только в любви.

5. "МОИСЕЙ И ИЛИЯ"

Читая сообщения синоптиков о преображении Господнем — см. третью главу этой части, — обычно все обращают внимание только на то, что происходит с Христом, и на связь этого с Его воскресением. Поэтому часто забывают спросить, что же означают два мужа, которые тут появляются и с Ним беседуют. "Моисей и Илия", законодатель Ветхого Завета и тот из пророков, о котором третья Книга Царств повествует, что он был "восхищен" под конец своей жизни, из чего поздняя иудейская апокалиптика вывела ожидание его возвращения перед пришествием Мессии. Но, по видимому, есть особый смысл в том, что появляются именно эти образы ветхозаветной истории. Почему Моисей, а не Авраам? Почему Илия, а не Исаия или еще кто-либо из пророков?

Да, почему не Авраам, не этот мощный образ, с которого и начинается по-настоящему вера среди людей? Авраам был состоятельным бездетным человеком, жившим в почете в своей стране. И вот его отозвал оттуда Божий призыв. В своем преклонном возрасте он должен был стать отцом целого народа, началом истории, важной для всех нас. Для этого он должен был оставить свою прежнюю жизнь и следовать призыву Бога. Дело это было трудным, — не столько переселение, так как в те времена странствовать было привычным делом, сколько уход в послушании Богу, в доверии к обетованию, по природе невозможному. Повиновение призванного было величественно. Величественно было его твердое стояние в вере, когда в течение целой четверти столетия обетование так и оставалось еще обетованием, а Аврааму было уже около ста лет. После того, как исполнение пришло и сын родился, непостижимо величественным был тот путь глубокого старца на гору Мория, чтобы там принести в жертву своего сына (Быт 22), — тем не менее он сохранил веру, что из его семени произойдет целый народ. Так Авраам становится отцом всех верующих (Рим 4,11). Вокруг него живет бесконечная надежда. Необозримое обетование открывается перед ним. Пусть он выйдет в месопотам-

скую ночь — сказал ему Бог — и посмотрит на звезды: исполнение, которое принесет будущее, будет велико (Быт 15,5), как число звезд на небе. Так велик этот человек в глазах Бога. Но не он послан придти и беседовать с Иисусом — в то время, когда народ, происшедший от семени праотца, ответил отказом на Его призыв. Возможно, что если бы это событие произошло во времена Нагорной проповеди, то Авраам мог бы придти, — тогда, когда великая возможность обетований еще оставалась открытой. Теперь уже нет. Теперь приходит Моисей. Как же обстоит дело с ним?

Моисей также был призван, после того как он, любимец двора, бежал, убив египтянина. На горе Хориве Бог призвал его и послал вывести народ Божий из Египта (Исх 3). Моисей противился, — он, очевидно, предчувствовал, что его ожидает. Вокруг Авраама были бесконечный простор и божественная возможность, а на плечи Моисея ложилась ужасная тяжесть. Ведь он с трудом владел своим языком, слово не повиновалось ему. Народ Авраама уже существовал, многочисленный и сильный, но поработанный, и Моисей должен был вывести его на свободу. Это означало не только вырвать его у великой египетской державы. Ведь с ним был Бог — и если бы народ действительно желал стать свободным, то кто мог бы этому помешать? Но он этого в сущности не желал. Поэтому освободить его значило вырвать это человеческое множество из тупости обеспеченной жизни. Конечно, они зывали к Богу об освобождении, но свою просьбу они сочли бы исполненной, если бы принудительный труд стал более легким и условия их жизни улучшились. А теперь они должны были, оставив все, к чему привыкли за сотни лет, идти в пустыню, навстречу неизвестной судьбе, требовавшей смелости и дерзания. Дать им внутреннюю свободу для этого, принудить к этому их жестокость, их глухие сердца — это и была задача Моисея.

Задача бесконечной трудности. Пока он срок дней подряд постился на Синайской горе, пока предстоял пред Богом и принимал Закон, нечто страшное случилось в лагере. Аарон, первосвященник, отлил им из их драгоценностей образ божка, золотого тельца, и, когда Моисей сходит с горы, он находит их в полном упоении этим культом. Полученный им удар так ужасен, что он разбивает о землю скрижали, на которых написан Закон (Исх 32,19). Это символично. Задача Моисея — провести волю Божию вопреки ожесточившейся воле этого народа, совершить освобождение вопреки их собственным поработанным умам. Его справедливо называли величайшим мучеником на свете. История перехода через пустыню — это история бесконечной борьбы не только с трудностями великого начинания, с природными

лишениями и с сопротивлением враждебных народов, но и с тупостью и неподатливостью самих ведомых. Народ воодушевляется — и вскоре падает духом. Он связывает себя священными клятвами, а когда приходит испытание, он забывает все. Он начинает — и оказывается несостоятельным. В тяжелые мгновения опыт наводящих трепет Божиих знамений как бы исчезает, и их образ мыслей такой же, как у первой попавшейся кучки людей, попавших в беду, — и даже хуже того, что позволил бы себе всякий другой народ на путях войны. Потом они вдруг становятся безрассудно отважными и, вопреки всем предупреждениям, мчатся навстречу гибели. Часто можно подумать, что они вовсе не чувствуют тайны "похода"; нисколько не ощущают окружающей их грозовой силы Бога, предшествующего им; вообще не замечают и величия своего водителя. Они протестуют, требуют, мнут, они тупы и коварны. Повествование о походе в обетованную землю передает до отчаяния тяжелую борьбу могучей воли, отдавшей Богу, с бременем всей человеческой слабости. Моисей, терпеливейший из всех людей, должен весь народ нести на своих плечах.

Кажется даже, что он, кроме того, должен нести еще и бремя Божие, когда возгорается гнев Божий и Он говорит Моисею: "оставь Меня истребить их", а Моисей заступает за слепой и мятежный народ. Иногда на него, стоящего, словно сыпятся удары с обеих сторон; он же устывает в страшном положении посредника. Бывает так трудно, что один раз и ему не хватает веры — тогда, когда он должен вызвать воду из камня, и от такого повеления начинает казаться смешным себе самому. В наказание за это Бог открывает ему, что он доведет народ до границы земли обетованной, но сам не перейдет ее (Числ 20,12).

Как ожесточен был народ, показывает Божий приговор: никто из тех, которые вышли взрослыми из Египта, не увидит земли обетованной. Никто не годен для нового строительства. Странствие продолжается таинственно долго, и за это время все должны умереть. Воля Его допускает только тех, которые были при исходе детьми или родились в пути (Втор 1,34 слл). Но и сам Моисей должен разделить эту судьбу. Бог не взял назад того, что Он ему даровал, — Он продолжает "говорить с ним лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим" (Исх 33,11). Моисей остался Божиим другом, но все же его жизнь кончается на горе, откуда Бог показывает ему далекую страну, в которую сам он не должен вступить (Втор 32,48-52; 34,1-6).

Вот этот человек явился Христу — Тому, Который должен донести до конца народное бремя. Кому по вине этого же самого народа отказано Своим живым телом вступить в но-

вую землю открытого Царства Божия. Кому суждено также умереть "на горе", прежде, чем земля станет доступной, — но только не по собственной вине, а по нашей общей.

А Илия? Мы, наверно, не преувеличим, сказав, что он сильнейший из пророков. Не своими словами: от него не осталось возвышенных, указывающих путь изречений. И не необычайными видениями или образами, представляющими собой указания. После себя он не оставил никакой книги, почти ни одной фразы, которая сама по себе выражала бы нечто особенное. Но нет другого пророка, образ которого так выступал бы из первичных глубин Божией тайны, как его образ. Ни для кого больше пророческое существование не становится таким невыносимым, как для него.

Но его профетизм целиком включен в непосредственность данного момента, и момент этот ужасен: время царя Ахава, того человека, который так противопоставлял себя Богу, что впоследствии все время повторялось изречение, что из-за него гнев Божий больше не уходил от народа. В истории царей он — словно первообраз бунта, вместе со своей женой Иеза-

велью, еще более ожесточенной во зле, чем он (3 Цар 16,29-33). Именно она воздвигла повсюду жертвенники Ваалу и приучала народ к идолослужению. Она приказывала истреблять священников Господних. От нее Илия вынужден был скрываться годами. В годы Ахава тьма царила в стране — тьма адская. Против нее был послан Илия. У него и времени не было благовествовать. Он должен был биться головой об стену — об стену ожесточившегося неверия, об стену кошунства, насилия, кровожадности, распространившихся по всей стране. Жизнь Илии была одним нечеловеческим усилием, направленным против этого. Дух Божий кипит в нем, подымает его выше человеческого роста, напрягает его сверх человеческой силы, — но вот час прошел, и он падает, лежит в пустыне, как изнемогшее животное и призывает смерть. Но снова ангел прикасается к нему, и, укрепленный Божией силой, он идет "сорок дней до горы Божией Хорива" (3 Цар 19,4-9). Так он до конца ведет страшную борьбу, рассеивает идолопоклонническое наваждение, пока в последний час огненная колесница не уносит его в неизвестность (4 Цар 2,11).

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Русская Мысль". Г. Днепровский, рецензируя "Голос Зарубежья", снимает мои наблюдения о неправильных транскрипциях репликою, что теперь и русский язык часто калечат (нам, впрочем, неясно, почему нельзя говорить: *объективно содействует* или *плюс к тому*). Одно другому не мешает; живем за границей, приходится обсуждать иностранную политику, литературу. И между тем... Зайдет речь о лидере будапештского восстания, по имени *Имре Надь*, и каждый валяет, как вздумается: *Наги*, *Нажи*, *Наджи* (словно их было четверо разных). Португальского партийного деятеля *Куньяла* "Русская Мысль" величала *Кюнхал*. Румынский исторический персонаж *Влад Цепеш* в "Новом Русском Слове" называется *Тепес*. Спросим у венгров, португальцев, румын, — плечами пожмут: "Таких не знаем". Зачем насаждать у читателей нелепые произношения? Они не обязаны знать иностранные языки; а вот журналистам следовало бы (хоть немножко!).

Хочется сказать Р. Орловой по поводу отрывка об Андре Жиде в СССР: "Parlez vous, madame!". Послушать ее, народ (и это в 1936 г.!) верил в советскую власть. Он-то, хлебнув коллективизации и голода, не верил ничуть. Сошлюсь на Н. Мандельштам и Л. Ко-

пелева ("И сотворил себе кумира"). Верили энтузиасты-комсомольцы (но тогда уже их встречалось кот наплакал; в комсомол шли делать карьеру). Мы же в те годы, интеллигентная молодежь, — школьники, студенты, — от советчины с ужасом отшатывались; да ведь ни мы, ни наши родители, ее никогда в сердце и не принимали. Свойственно человеку вспоминать с умилением пору юности с ее иллюзиями, пусть вздорными, пусть смешными. Орлова так и поступает; но напрасно распространяет на всю страну бредни своей узкой прослойки, которую И. Солоневич метко окрестил *активом*. 3-я эмиграция пытается теперь дать *свою* версию того, что видала и описала наша, 2-я. Но сия новая версия — ложная (даже если иногда и субъективно искренняя) и подлежит отвержению.

Удивительно нынешнее направление цветаведения (или, как игриво выражаются снобы, *маринистики*; мы бы предложили, в виде компромисса, термин "*мариноедение*"), живо одобряемое парижской газетой! *Доказать*, будто Цветаева была адептом однополый любви; причастна к преступлениям Эфрона; полностью выдохлась под конец как поэт (то же утверждали враги о Пушкине)! Неправду *доказать* нельзя; обманывать публику есть

мифотворчество, не наука; темы же, перечисленные выше, относятся не к литературоведению, а к области сплетен и клеветы.

К числу орфографических причуд "Русской Мысли" (увы, не ее одной) принадлежит написание имени коммунистического палача Камбоджи *Пол Пот* вм. *Поль Пот*. У кхмеров есть только среднее *л*, то же, что во Франции и Германии; а мы же не пишем *Балзак* или *Гегел*. В речи камбоджийцев, в словах *копаль* — "корабль", *кбаль* — "голова", *кроль* — "загон для скота", слышится тот же звук, что во французском *mal* или немецком *einmal*. Сейчас советские образованцы из новейших, учившиеся в школах английскому и говорящие на всех языках с английским акцентом, суют везде *л* вместо *ль*; не будем следовать их дурному примеру!

Похвалим "Русскую Мысль": вместо ужасного *Сан Винцентэ* она стала печатать *Сан Винсенте*. Только, испанцы-то говорят *Висенте*; у них и пословица есть: "¿i Donde va Vicente? — Donde va la gente", соответствующая нашей: "Люди в рожь, и я тож!". Ну, да глядя, помаленьку, оно и вовсе наладится; по крайней мере, то есть, относительно данного имени.

Г. Андреев, в рецензии на "Грани", с неожиданным пылом защищает толстовство. Но если оно в баснословные года, когда зародилось, могло приниматься всерьез, в наш век большевистского наступления и терроризма на полный ход пропагандировать его просто смешно! Посоветуем Андрееву перечитать "Три разговора" В. Соловьева. Пространный разбор им же журнала "Время и мы" крайне однобок. С металлом в голосе, он предупреждает: *не разрешается* критиковать Америку. Кому, может статься и воспрещено, — американским гражданам и принципиальным безоговорочным поклонникам Соединенных Штатов, — а мы люди свободные, и говорим, что хотим. Притом, по странной аберрации, — своя своих не познаша! — Андреев атакует Б. Шрагина, который как раз до неприличия угодливо превозносит американцев и грубо ругает русских эмигрантов ("Все эмигранты чуть не идиоты, и нечего им учить американцев"). Но оставим г. Г. Андреева сражаться за Америку, и скажем от себя, что думаем про израильский журнал.

"Время и Мы" №№ 64 и 65. На наш взгляд, главный недостаток (о нем Андреев молчит) журнала есть его руссофобия. Не будем приводить цитаты, имена. Всякий русский человек тут натолкнется на уйму обидного (не фактов: оценок, суждений). А руссофобство автоматически порождает в отпор антисемитизм, по обе стороны красных пределов сейчас и на будущее. При споре антисемит (коли грамотный)* цитирует русскоязычную прессу 3-ей волны; и нельзя отрицать, что в ней немало

безобразного, по форме и по сути. *Cui prodest?* Разжигание национальной вражды в стане антикоммунистов — клад для большевиков; и великий вред для борцов с ними, в СССР и за рубежом. Когда мы победим, те же больные эмоции станут мешать правильному разрешению конфликтов в России на благо и русских, и евреев (и всех ее народов). Что до Израиля — почему бы ему не иметь прекрасных отношений с грядущей Россией? Генерал де Голль говорил: "Режимы проходят, нации остаются". Антирусская линия (вместо антикоммунистической), коей тенденции весьма отчетливо проявляются в русскоязычной прессе, как израильской, так и американской (когда та в руках новейших), сильно еще таковым отношениям напорят.

В этюде Маррана "Деформация души" отметим враждебность к патриархальному еврейству, стремящемуся жить в мире с русскими. С чего бы (в той мере, что оно есть)? И стоит ли воспевать *бесплодное умствование* и *нигилистическое* разрушительное начало? Такие вещи нигде и никогда никому не приносят добра. Слишком тонкая для нас диалектика, — о романе М. Наумова "Тяжелый песок", — рассуждение, что если его издать в СССР, то это вредно, — а если в Израиле, — то благотворно.

"Нужна ли нам вообще демократия?" С. Жукоборского — капли дельных мыслей в море ерунды. Образец последней: совет ехать из СССР тем, у кого есть что сказать и что создать. Русские эмигранты горько усмехнутся на сию наивность: попробуй-ка, на Западе-то! Практически, наоборот: ехать стоит тем, кто алчет благ земных и равнодушен к духовным. Таких вот, чей портрет дает В. Перельман в "Пире победителей": "Голый, безъязыкий, но обладающий непревзойденной способностью работать локтями и насмерть стоять за себя". По опыту знаю, что отнюдь не все новейшие на него похожи. Но, те, кто ему соответствуют, — симпатии к себе не вызывают; ни малейшей.

Смешно читать солидное, наукообразное исследование Д. Бартон Джонсона о романах С. Соколова — бездарной графоманской мазне, кою никакими каждениями и комплиментами не превратить в настоящую литературу.

О пьесе Д. Ицелева "4 кружки мюнхенского пива" подмывает воскликнуть: "Идея неплохая!" (изображена встреча Ленина с Гитлером в 1914 г.); кабы не дефекты в выполнении... Несправедливо приписывать Гитлеру, будто он говорил о *белокурых девчатах* (да и Ленина бы передернуло): оборот появился в эпоху военного коммунизма. И не стал бы он спрашивать, пишется ли *Майер* через *вай* или *ай*: разговор идет по-английски. Забавно показана обида обоих собеседников при намеках на их еврейское происхождение (каковое у них, по видимому, и отсутствовало).

Очерки Р. Берг о разгроме подсоветской генетики меня переносят в годы детства, когда я часто слышал приводимые ею имена, — Филиппенко, Карпеченко, Дубинин, Презент, — из уст старшего брата, молодого ученого, специалиста по генетике в области ботаники. "Я виделся с Карпеченко..." "Дубинин мне говорил..." — рассказывал он, бывало, дома. Насчет же Презента, — о ком он отзывался: "Правая рука Лысенко", — особенно помню, как он под свежим впечатлением передавал отцу: тот его вызвал к себе и предложил перейти в их лагерь; вы мол человек способный, и тогда вам откроется дорога. "А нет, — это уже цитирую буквально, — мы вас в порошок сотрем!" Брат, от природы смелый, отрезал: "Ну что ж, стирайте!" Имел потом неприятности; но все же тогда не погиб.

Роман И. Ефимова "Архивы Страшного Суда" — вещь определенно талантливая, выше среднего уровня журнала; но, ах! с оговорками... По жанру, он возрождает типичную для 20-х годов комбинацию детективно-шпионского и научно-фантастического элементов; так и чудится, будто перечитываешь "Месс-Менд" М. Шагинян, или "Чемодан из крокодиловой кожи" Л. Никулина. Что внесено нового (и уж как бы лучше без него!), это — целые страницы грязной похаби, больной, тошнотворной и вовсе ненужной, ни для развития действия, ни для характеристики героев (даже положительные начинают вызывать гадливость). Кому подобные мерзости могут нравиться?! Напротив, хорошо, что автор на 100% отрицательно относится к большевизму. Занятно, что в основу сюжета положены философские воззрения Н. Федорова (с религиозной точки зрения, безусловно, еретические); на них теперь наталкиваешься повсюду, — в самых правых и в самых левых печатных органах!

"Часовой" №638. Отказ Солженицына (чье письмо Рэйгану тут дано) от приглашения на завтрак в Белый Дом вполне понятен; в число гостей входили Синявский, Григоренко и Чалидзе. Как порядочный человек может реагировать на взвизги: "Россия — сука!" (коим американцы, уж верно, сочувственно похлопывают), на рассуждения о недопустимости антикоммунизма или на призывы к ограничению борьбы с большевизмом формами легальной оппозиции? Спор же перед иностранцами выглядел бы неприличным... Солженицына подобало звать одного и для серьезной беседы.

"Свободное Слово Руси" №№ 1-2 и 3-4. Переименовав заглавие, но не шерсть, журнал массивно перепечатывает сочинения подсоветских деревенщиков, — Солоухина, Шукшина, — стремясь их представить своими попутчиками. Однако легко понять, в советских условиях

даже целиком оппозиционные писатели (они были и есть, и не только среди деревенщиков) лишены возможности писать, что надо, прежде всего, свергнуть антинародную, кровавую, сатанинскую советскую власть. Они лишь могут (и на то немало потребно мужества!) разоблачать зверства периода *культы личности*, робко защищать кой-какие вековые традиции да выражать надежды на будущее. Но когда, ссылаясь на них, зарубежный печатный орган проповедует мирную эволюцию большевизма (стократ опровергнутую историей!) и призывает эмигрантов защищать Советский Союз и воевать против антикоммунистов, то что эти люди подумают, дойдя до них подобная бесчестная агитация? Полагаем, они выразятся, как у Солоухина крестьяне про достижения и мероприятия советского режима: "Ю-ю-ю!" К чему патристически настроенный, но связанный путами чекистов писатель добавляет, что точных слов не помнит, но за общий смысл и за тон ручается... Впрочем, "Free Word", вполне свободный от законов совести, клеветы направо и налево. Разница лишь в том, что мы, за границей, можем и ответить... Да и то: нас хоть г-н Нилов не обвиняет, будто мы — его единомышленники! Вот это было бы позором, и мы бы стали горячо возражать. А пока он нас ругает, Бог с ним! Пусть все видят, что мы с ним ничего не имеем общего. Русский же народ, как и русская эмиграция, разберутся сами. Различие между нами и Ниловым с сообщниками, простое: мы за народ и против власти, они за власть и против народа. Людям в СССР, даже тяжело виноватым, есть оправдание: над ними тяготели страх и принуждение. Но советские патриоты за рубежом?! Поистине, это последние из последних, иуды-предатели... Стыдно за сотрудников такого журнала, за тех, кто на него дает деньги! А вот отраднее прочесть, на его же страницах, неожиданное умное, трезвое и правдивое письмо за подписью: "Бывший сотрудник журнала П. Г-н.". Воспроизведем прекрасные строки, которые он бросает в лицо М. Тулянище: "Ваше заявление ...явно доказало перерождение русского патристического журнала в орган советского патриотизма... Ваша попытка оправдать советский патриотизм Ваш и сотрудников журнала любовью Руси и ее народа, это попытка с явно негодными средствами... Истинно любящие Русь и ее народ никогда не забывают, что истребление десятков миллионов жителей страны, стремление превратить всех в безбожных, безвольных и непомнящих своего родства безликих роботов, что все это дело рук их злейшего врага — советского (коммунистического) режима". Лучше не скажешь. И человеку, нашедшему мужество это формулировать, мы бы от души желали пожать руку.

"Вестник Р.Х.Д." №136. Удивляет отсутствие, на сей раз, очередного отрывка из романа Солженицына. Превосходна статья Н. Алексеева (присланная из Москвы) "О канонизации Николая II и его семьи", которую настоятельно рекомендуем публике. Есть в ней и сомнительное, и даже неверное, и полна она ничем не оправданных оговорок. Зато сообщает она прямо и громко о мощных монархических настроениях в СССР. На словах, автор *против* канонизации; но нельзя не признать, что приводимые им аргументы на деле подтверждают ее нужность и своевременность.

Этюд Н. Сергеева "Гоголь и Блок" поражает названием: что же между ними общего? О первом автор правильно указывает: "Гоголь правил свою Русь-тройку вверх к Светлому Воскресению"; о втором же: "Еще П. Флоренский писал, что кошунство Блока над Богоматерью... есть предел демонизма", и "предполагает укорененность в глубинах сатанинских". Два эти писателя полярно противоположны друг другу; совпадения у них — разве что случайные. Блока можно любить, жалеть; но сохрани Бог избирать его себе в духовные руководители!

Биографическая заметка об английском мыслителе и беллетристе К.С. Льюисе, которого можно в известной степени считать наследником гениального Честертона, составлена по-кавалерийски и с легкостью в мыслях необыкновенной. Нажим дан на то, что он составлял сказки для детей; вскользь только упомянуто о трилогии фантастических романов; а они ведь, несомненно, суть вершины его творчества; особенно последний, "Злая сила". Сочинения же его на богословские темы даже не названы; а неплохо бы упомянуть о таких вещах, как "Великий развод", "4 вида любви" или "О чудесах". Намерение журнала познакомить своих читателей с блестящей юмореской "The Screwtape Letters" — приветствуем. Но... не слишком ли вольно передано заглавие "Письма Баламута"? Да и стиль изрядно хромает; еще же хуже, что перевод изобилует ошибками (см. стр. 158 и 163) и неудачными оборотами (стр. 171).

Прославление протопopa Аввакума, в статьях Н. Струве и П. Андреева, не свободно от преувеличений. Храбрость, стойкость и искренность великого расколоучителя вне спора; но в какой стране в то время (да и когда вообще?) бешеные хулы, какими он осыпал мирскую и духовную иерархию, не щадя ни царя, ни патриарха, не повлекли бы за собою казни? Которой он сам алкал и искал...

"Грани" №124. Повесть безусловно талантливого Л. Бородина "Гологор" (из советского быта, но вне политики; на фоне жизни звероловов в тайге, напоминающая порой Дж. Лон-

дона и даже А.С. Грина) была бы хороша, кабы не антихудожественное нагромождение ужасов в конце. Довольно бы вполне *одного* изнасилования и одного убийства; а когда уж к тому же притянуты и безумие, и самоубийство, и смерть от несчастного случая, так что получаются не один, а три трупа, — все становится и неправдоподобным, и чрезмерным. Да и внутренний мир героев становится неясным: мы видим лишь их внешние действия. Но надежды автор подает, это несомненно. Если только большевики его не прикончат (он ведь сидит...).

В "Воспоминаниях Алданова" (надо бы "об Алданове"), А. Бахрах, — приятная неожиданность! — воздерживается, ввиде исключения, от скабрезных анекдотов и злобного осуждения, и пишет корректно и пристойно. Важного он, впрочем, ничего не сообщает; Алданов с ним близости особой не поддерживал; а что до творчества, — Бахрах сосредотачивается, почему-то, на второстепенной мелкой вещице "Истребитель", вместо романов, составивших славу Алданова. Некоторые высказывания проблематичны; например, будто Алданов не признавал великих людей в истории: и Наполеон, а еще больше Суворов у него — герои и титаны вполне бесспорные.

Воспроизводимый в номере доклад генерала Махрова Врангелю, — так и так, дело давно минувших дней, без связи с нашим сегодня. Но и мудрости в нем большой не видно: призывы к *Учредительному Собранию*; а этот лозунг был народу чужд и непонятен, и к победе не мог вести никак. Как бы продолжением является рецензия Н. Росса на советский роман М. Еленина о Белом Движении. Автор книги рисует белых по-своему, а рецензент — по-своему еще: если верить ему, были это сплошь недоучившиеся студенты с демократическими убеждениями, от эсэров до эсдеков... Такие были тоже; но, сдается, не им Добровольческая Армия обязана своими успехами.

"Наши Вести" №387. Очередной выпуск монтерейского журнала, за апрель-июнь, содержит богатый и разнообразный материал. Ряд статей должен иметь продолжение, и мы оставляем за собою право к ним еще вернуться. Таковы: "Дело совести союзников-победителей" (от редакции), о выдаче власовцев и казаков после второй мировой; "От индивидуума к личности" иг. Г. Эйкаловича и "Солженицын и Белый Дом" Н. Протопопова.

В "Напрасном споре" Н. Петлин верно констатирует, что "происходит процесс дегенерации коммунизма и его партий, а не эволюции", по, полагаем, с излишней категоричностью заранее протестует против любой интервенции. П. Тверский в "С какой Германией мы были в союзе?" считает, что с Германией в первую очередь военных кругов, оппозиционных Гитле-

ру. Р. Днепров, в "Споре о первородстве" (между Р.О.А. и Русским Корпусом) правильно отмечает, что ни Белое Движение, ни Р.О.А., ни Корпус не имели открытой и ясно выра-

женной идеологии, к большому для себя ущербу; однако он, на наш взгляд, не делает из того достаточно определенных и логических выводов.

В. ПИРОЖКОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первый раз у меня появилось желание написать несколько слов послесловия к "Обзору" В. Рудинского. Но затронутая им кратко проблема настолько лично касается нашего поколения, что трудно промолчать. В. Рудинский пишет: "Хочется сказать Р. Орловой по поводу отрывка об Андре Жиде в СССР: "Parlez pour vous, madame!" Послушать ее, народ (это в 1936 г.!) верил в советскую власть. Он-то, хлебнув коллективизации и голода, не верил ничуть. Сошлюсь на Н. Мандельштам и Л. Копелева ("И сотворил себе кумира")... 3-я эмиграция пытается теперь дать свою версию того, что видела и описала наша, 2-я. Но сия новая версия — ложная (даже если иногда субъективно искренняя) и подлежит отвержению".

Мне хорошо помнится приезд Андре Жиде в СССР, его разочарование (хотя и лишь частичное) советской действительностью и вой, поднятый советской прессой по поводу "предательства" Андре Жиде. Проливались даже крокодиловы слезы, что Жид запечатлел "предательский" (постеснялись написать "иудин") поцелуй на челе тогда уже парализованного и слепого Николая Островского! Лицемерие, лживая сентиментальность и поддельное возмущение заливали страницы советских газет. Но как радовались мы, тогдашние подростки! Наконец-то хоть один писатель, который увидел правду и ее высказал! Какое это было глубокое удовлетворение после посещения Ромен Роллана и той сладенькой лжи, которую он написал о Советском Союзе!

Когда я пишу мы, подростки, я имею в виду, конечно, только свой круг. Это был круг провинциальной псковской десятилетки, где учились преимущественно дети железнодорожников, рабочих и служащих.

В моем 15-летнем возрасте Ромен Роллан был предметом моей самой большой ненависти. Я глубоко ненавидела писателя, человека, который должен был бы быть более чутким к людским страданиям, писателя, считавшего себя христианином и тем не менее хвалившего наш страшный режим в его ужасающие годы. Во всяком случае, я могу сказать, что никогда никого потом так не ненавидела, как я ненавидела Ромена Роллана тогда, когда мне было 15 лет. Многие могут удивиться: отчего же бедного Ромена Роллана, а не самого страшного виновника всего происходившего — Сталина? Здесь я должна говорить лишь от своего имени: по отношению к Сталину у меня было особое ощущение. Сталин был с одной стороны враг №1. Он был полной противоположностью всего человеческого, был настолько вне человеческой сферы, что он был для меня даже вне чувства ненависти. Он был чем-то вроде страшной разрушительной машины. Машину, если она стала пожирать людей, следует разрушить, если на это есть силы, но машину нельзя ненавидеть. Я хочу еще раз подчеркнуть, что в этом пункте я говорю только за себя. Помню, как я удивилась, когда прочла в книге Анри Барбюса, что у Сталина есть дети. Дети? Но ведь это нечто такое человеческое, — разве могут быть дети у разрушительной машины? Мне никак не удавалось представить себе Сталина мужем и отцом.

А Ромен Роллан был свободен, он жил в свободной стране, он мог *говорить*, тогда как у нас был клеп на рту. У меня было тогда чувство, что этот милый, улыбающийся господин все еще с милой улыбкой на лице затаптывает нас каблуком своего до блеска начищенного ботинка еще дальше в грязь. И от бессилия, от невозможности закричать: он лжет! — рождалась ненависть.

Позже Ф.А. Степун рассказывал мне, что Ромен Роллана побудила к советофильству его жена пришедшая весьма зигзагообразным путем к совпатриотизму. Это была француженка, жившая гувернанткой в дореволюционной России и вышедшая замуж за какого-то старого русского князя. Их фамилии можно было бы разыскать, но я сейчас пишу не научное исследование, а личные воспоминания и не хочу рыться в документах, а в памяти у меня их нет. Будучи много моложе мужа, она рано овдовела и вторым браком вышла замуж за Роллана. Свою сентиментальную любовь к прежней России она перенесла на СССР. Увы, это случалось даже с чисто русскими людьми. Она и таскала Роллана в 1936 году в Советский Союз и представляла ему все в розовом свете. Думаю, однако, что это обстоятельство не снимает ответственности с самого Ромен Роллана.

Одно из последствий этой поездки было почти что анекдотично. Супруга Роллана вспомнила, что где-то в Москве должен жить какой-то старый, недобитый родственник ее первого мужа и спросила советских представителей о нем. В самом деле, старого князя разыскивали в какой-то

дыре. Его почистили, приодели, наскоро подкормили и представили супругам Роллан. Ромен Роллан, мило улыбаясь, сказал, что ведь, конечно же, не будет препятствий для посещения свойственником его жены по первому браку Парижа. Его сейчас же заверили, что, конечно, препятствий не будет. И старика выпустили. По дороге в Париж он заехал в Дрезден к Степунам, которые прежде были знакомы со всей семьей, оттого и знали бывшую гувернантку. Этот старый князь приехал в Дрезден в начале 1937 г. с чемоданом, полным... хлебных сухарей! Он привез их в подарок Степунам! В Советском Союзе ведь все время писали, что в Германии господствует страшный голод, люди падают на улицах и умирают от голода, и он верил! Он привез Степунам чемодан хлебных сухарей! А я помню, как я хохотала, читая в советской прессе о голоде в Германии. Я не верила ни одному слову. А мне было всего лишь 15 лет.

В самом деле, в Германии в 1936-37 г.г. был большой хозяйственный подъем. Безработица была ликвидирована, и в материальном отношении жилось весьма хорошо. Позже началась лихорадочная подготовка к войне под лозунгом Геринга "пушки вместо масла", и положение с продовольствием ухудшилось, хотя до голода, конечно, не доходило. Степун мне несколько раз рассказывал, как опешили он и его жена, увидев чемодан с хлебными сухарями.

Но ведь старый князь добрался и до Парижа и до Ролланов. Он им рассказал (или побоялся, даже находясь в Париже?) о настоящем положении вещей в СССР. Однако Ромен Роллан никогда не взял своей паточной просоветской пропаганды обратно.

В. Рудинский ссылается на книгу Л. Копелева. Я ни одной его книги не читала, но помню, как, выступая по немецкому телевидению, Копелев рассказывал совершеннейшие сказки о настроениях в СССР перед войной и в момент начала войны. Так он сказал, что в момент войны все ожидали коммунистической революции в Германии и очень огорчились, когда увидели, что ее нет. На самом деле большинство народа, крестьяне, можно сказать, на 99%, очень многие горожане и среди них даже некоторые евреи ожидали *освобождения от коммунизма* для своей страны, а вовсе не коммунистической революции в Германии! Разочарование их было велико и особенно страшно для евреев, не веривших в дикий антисемитизм национал-социалистов и плативших за это жизнью. Но думаю, что даже в коммунистических кругах СССР, которые хотели бы коммунистической революции в Германии, было мало таких, которые ее фактически ожидали. Коммунисты были полны страха, а не розового ожидания коммунистической революции в Германии. Л. Копелев говорил это, правда (в беседе с левым немецким писателем Беллем), когда он находился еще в СССР. Может быть, его заставили так говорить? Но в этом случае он должен был опровергнуть сам себя, приехав в Германию. То есть я не сомневаюсь, что сам Копелев ждал со дня на день коммунистической революции в Германии, но таких было *очень* мало, он же распространил это на большинство народа, что является полнейшей неправдой!

РЕЦЕНЗИИ

"БЛАТНОЙ" МИХАИЛА ДЕМИНА

Михаил Демин — человек удивительной судьбы. Можно сказать, послеоктябрьский ураган прокатился по всей его жизни. Донской казак, он уже по рождению оказался на линии разлома: его отец — красный комиссар, а мать — племянница белого генерала Денисова. В 1937 году его отец и дядя попали под топор "ежовщины", как старые революционеры. В 1942 году Демина, тогда мечтательного тихого 16-летнего мальчика, арестовывают за невольное неисполнение трудовой повинности и дают ему "по законам военного времени" два года каторжной тюрьмы, где он тяжело заболевает. В последний момент, уже при смерти, его "активируют" и выпускают на волю. Не успевает он оправиться от тюрьмы и болезни, как его забирают в армию. Брат его убит на фронте еще в начале войны и награжден посмертно.

После войны Демин пытается было начать работать и учиться, но попадает под новую волну террора, как "повторник". На этот раз он

успевает бежать, но в огромной сталинской державе скрыться некуда... В последний момент, уже собираясь идти сдаваться, он случайно прибывает к блатным, вспоминает тюремный опыт и уходит в уголовное подполье. Но и там в 1947 году его настигает очередная, уже четвертая для него, волна сталинского террора — знаменитые истребительские указы от 4.6.1947 г. о хищении частного и государственного имущества. Демин получает 6 лет лагерей плюс 3 года принудработ в сибирской ссылке и попадает на Колыму, а затем на Енисей, где проходит все семь кругов сталинского ада...

Будь проклята ты, Колыма,
что прозвана чудной планетой!
Сойдешь поневоле с ума,
возврата отсюда уж нету...

Но тут верховный палач умирает. Террор приостанавливается и "вечные" ограничения падают. Демин получает возможность печатать

свои стихи, становится журналистом и в 1958 году возвращается в Москву и вступает в Союз писателей.

Казалось бы, круг закончен и Демин может преуспевать в "номенклатурной" жизни. Но, очевидно, боль и отчаяние не забылись... Внезапно для других, Демин в 1968 году бросает все и становится "невозвращенцем" во Франции. — И опять все надо начинать сначала... Демину приходится теперь изведать судьбу эмигранта. На русские книги, как известно, спроса нет, а иностранным издателям имя его неизвестно. Но колесо Фортуны все же слегка поворачивается и несколько книг Демина выходит на иностранных языках. И только теперь новое нью-йоркское издательство "Руссика" выпустило первую на Западе книгу Демина на русском языке.

"Блатной"* — хотя и написан на биографическом материале — это не биография. Присутствие автора все время ощущается отдельно от героя. Роман читается с захватывающим интересом и написан прозрачным ясным языком не засоренным блатными вульгаризмами. Во всех отношениях он отличается от расхожих ныне произведений, где штампованная агитка начинается плоскими или фальшивыми идеями, надерганными по клочкам или нафаршированными отборным хамством — взять хотя бы разрекламированную "Руку" Юза Алешковского. У Демина же некое волшебство стиля заключается в его спокойствии, в то время как герой — второе Я автора — проходит через бесконечное колесование сталинской каторги.

"В драке нужна злость и хитрость, а в искусстве и в творчестве, наоборот, — доброта" — в этом замечании, вероятно, содержится секрет обаяния книги. Но колесование доброты оставляет глубокие шрамы: "Этот распев такой же сумрачный и такой же надрывный, как и сама судьба моя... Именно это и рождало тоску. Ах, я не знал тогда, что уже отравлен ею, болен навечно. Не знал, что приступы тоски будут с годами расти. Станут множиться и учащаться. Станут преследовать меня повсюду. И теперь — вот теперь, а Париже, когда я рассказываю все это — тоска живет во мне... и нет мне от нее спасенья..."

Как я уже отметил, автор писал роман — и те, кто прочтут его, почувствуют загадочное очарование этого блестящего произведения. Но моя цель здесь другая — показать, что книга Демина — это обвинительный акт. Цитаты настолько колоритны, что к ним прибавить нечего.

Кто же он, этот Сталин? Сумасшедший? Злодей? — Сталин — он ведь самый настоящий

уголовник. — Нет, вы уголовников не обижайте. Он просто ссученный.

Бериевское племя. Эсэсовцы. Пощады ждать от них не приходится. Фашизм всегда (и, конечно же, не случайно) опирается на таких вот — бойких, спортивных, молодых...

Страна доносчиков и подонков — доносился из темноты раскатистый бас филолога Арона Бровмана — подумать только, во что превратили Россию! Какие законы? — громогласно спрашивал Бровман. — Советские? Ой, не смешите... Эта система основана как раз на беззаконии. Самом вопиющем! И чудовищные наши срока — наглядное тому подтверждение... Ну что за проклятые времена, — сказал Бровман, — мало того, что создали режим, еще и должность специальную придумали. Начальник режима! Это кто же? Уж не сам ли Иосиф Виссарионович?

Чечено-Ингушетия, 1946 год... Как и в эпоху вавилонского пленения шли по горным дорогам люди, плакали дети в ночи, мычал, разбредясь, скот. Все было как в баснословной древности! Только конвой, подгоняющий народ, одет был в красноармейские шинели...

В советской стране жизнь, по сути дела, вся держится на песке; в любой момент она может рухнуть, развеяться от внезапного ветра, от первого дуновения беды.

Невиданной силы шторм бушевал над страной — крушил все вокруг и гнал корабль на скалы... Казалось, вся земля — из края в край — полыхает, объята гибельным пламенем. Да так это, в сущности, и было!

Наступил полярный день, и над горизонтом — не затмеваясь — бесконно кружило косматое сплющенное светило... Начальник лагеря, загроживаясь и морщась от косых солнечных лучей, зачитал имена расстрелянных...

Небо теперь заседали звезды; ледяные, далекие, они не разгоняли тьму, наоборот, — подчеркивали ее еще сильнее...

Тюрьма, как гигантский насос, неустанно перекачивает людские массы. На Дальний Восток и на Крайний Север. Этапы сплошным потоком прибывают из теплых краев и уходят в тайгу. К погибельным снежным тундрам, к побережьям студеных морей. Холодом веет от одной только мысли об этом. И от каменных стен тюрьмы тянет сыростью и ознобом. И негде согреться изыбшей душе...

Этап — не просто далекий путь. Это путь погибельный и жестокий; крестный путь, уводящий в другую жизнь, к иным пределам. И каждый из зеков думал томясь: Господи! Упавши от беды — от урановых рудников Норильска, от горфяных болот Мордовии, от мокрых шахт и заснеженных приисков Колымы... Новая Земля — это конец. Для тех, кто попадал на этот остров, возврата назад уже не было. Не могло быть.

* Михаил Демин, "Блатной". Изд-во "Руссика", Нью-Йорк, 1981, 365 стр., \$ 18.50.

Одни из Дантовых кругов уводят в рудники, в подземные сумрачные недра, другие пролегают через болота лесотундровой полосы, третьи пересекают горы, четвертые — таежную глушь. Их много — этих кругов... В эту пору промерзшая почва трескается так же, как и безводный выжженный солнцем грунт пустыни. Со звонким гулом лопаются стволы деревьев. Гул идет по чащобе, и странно и жутко слышать, как звучит она в белой тиши. Птицы в такую пору безмолвствуют, зверье отлеживается в норах. И только люди копошатся на трассах и в рудниках, валят лес в тайге, уныло бредут, подгоняемые конвоем, взявши руки назад и проклиная неволю...

М. Демин проводит совершенно новый, нетрадиционный взгляд на блатных. По тюремным традициям блатные имеют право на одну треть от всех домашних харчей, поступающих в камеру. Это потому, что они — народ, по сути своей, бездомный и неприкаянный. Помнить о блатных и заботиться о них некому (за исключением, пожалуй, министерства внутренних дел), поэтому они и решили позаботиться о себе сами и создали собственные, — весьма жесткие — законы.

Демин совершенно справедливо начинает отчет лагерей с репрессий против "уголовных элементов". — Возникновение первого концлагеря совпало с первыми "изоляциями" — так на заре советской власти именовались повальные массовые репрессии, периодически потрясавшие всю страну. Под эту рубрику попадало множество разного рода людей. И конечно же — блатные. Их брали беспричинно и не считаясь ни с чем. Даже тех, кто пытался "завязать" — отойти от преступной жизни. Таково было начало! Все это — первые изоляции и лагеря — явилось своеобразной репетицией, пробой сил, начальной школой террора.

Подпольный мир чекисты называют партией — пишет автор. — Что же, так оно, по сути дела, и есть. Блатные, действительно, партия! Не политическая, конечно, но тем не менее, сплоченная, организованная, активно враждующая с государством и потому — опасная. И будучи загнанной в лагеря, даже и там оставалась верной себе. Жила свирепой своей жизнью. Признавала только собственные свои законы. Как могла, противодействовала властям. И упорно стремилась при любой возможности обрести свободу, вырваться на простор.

М. Демин описывает поразительный случай внутрилагерной организации сопротивления. В 1950 году существовала подпольная повстанческая организация в лагерях на громадных пространствах Енисея. Восстание должно было подняться одновременно во всех концах трассы, по сигналу, данному с воли. Интересен

состав комитета в описываемом лагере. Возглавлял его доктор медицины, обрусевший немец, прослуживший всю войну в немецком армейском госпитале. Другой комитетчик имел чин полковника, был ранен, попал в плен, затем к Власову и пробыл во власовских войсках до самого конца войны, когда англичане вновь передали его советским властям. Его товарищ — никогда ни в каком плену не бывал, честно отслужил всю войну на флоте, был дважды ранен и четырежды награжден, но накануне Дня победы был арестован по доносу и получил такой же в точности срок. Закон их, таким образом, уравнил. Был там еще один из князей Оболенских и бывший ответработник из Госиздата.

Примечательным было обращение этой организации к блатным: вы — блатные — представляете собой ту реальную силу, которая нам чрезвычайно нужна, без вас мы не сможем обойтись в восстании...

Поражающие сведения сообщает автор о восстаниях блатных. В конце двадцатых годов на Соловках был совершен грандиозный групповой побег. Восставшие ушли в море и высадились в Норвегии. Отчаянный их побег окончился плачевно. Норвежцы отказали беглецам в убежище и всех, поголовно, выдали советским властям. Были также восстания на Воркуте и в Соликамске. Но туземцы предали их, и в результате оба эти восстания также были подавлены.

Интересны рассуждения автора о преступном мире в разных странах. — В Северной Америке, например, процветает преимущественно гангстерство (вооруженный грабёж). Италия, Польша и Советская Россия славится своими карманниками и взломщиками. Тут уже мир не бандитский, а сугубо воровской. А вот богатая, пресыщенная Скандинавия поставляет, в основном, не блатных, а мошенников и шулеров. Таким образом, замечает автор, социально-экономические условия всегда — и очень явственно — отражаются на характере преступного мира. Здесь все определяется общим жизненным уровнем. Чем этот уровень ниже, тем активнее и изощреннее практика воровства. Марксисты, в сущности, правы — иронически замечает автор, — что бытие определяет сознание. И вот мир уголовного подполья, порожденный российской нищетой, — о нем никогда еще не писали, — говорит автор, — "А это ведь тоже моя Россия! Частичка ее истории, ее судьбы".

Следует упомянуть еще рассуждения об эмиграции в связи с намерением героя романа уйти на Запад: "Но учти, миленький, ихние тюрьмы другие. И вообще все другое. В российском кичмане ты, как блатной, имеешь свои привилегии. Здесь ты аристократ, а там... Там станешь полным дерьмом, уж поверь мне!

Кому ты там будешь нужен — иностранец, пришлый, бродяга, не знающий ни обычаев, ни языка...”

И закончить надо следующим анекдотом о жизни в СССР.

— Наша страна, как генеральские погоны без просветов.

— Или, как в сказке — чем дальше, тем страшнее.

— Или как в самолете — тошнит, а не выле-зешь.

— Или же как картошка — если сразу не съедят, потом опять посадят.

Е. Кармазин

КНИГА О ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА*

Так уж принято, что выступления против коммунизма забываются, замалчиваются, как на Востоке, так и на Западе. Поэтому было отрадно взять в руки и прочесть книгу бывшего полицейстера города Будапешта — Шандора Копачи, выпустившего к 25-летней годовщине Венгерского восстания 1956 г. свои воспоминания по-венгерски о героических событиях и о борьбе венгерского народа за свободу — против советской оккупации, против коммунистической диктатуры.

Автор уже опубликовал свои мемуары по-немецки и намерен опубликовать их по-французски. Начальник полиции Будапешта Копачи был судим за участие в Венгерской революции — совместно с Имре Надем — и был осужден на пожизненное заключение. Через семь лет, 25 марта 1963 года, по генеральной амнистии, через несколько часов после смерти его отца, он был освобожден. Ему было разрешено заочно учиться на юридическом факультете, который он и окончил в конце 1969 года с отличием. Когда он стал пенсионером, ему было разрешено венгерскими властями Кадара легально выехать с женой на постоянное место жительства в Канаду к единственной дочке. Приехав в Канаду, Копачи и написал эту интересную книгу.

Вот его воспоминания.

У Копачи была, в глазах коммунистов, чистейшая биография. Он — внук рабочего-металлиста, сын токаря-коммуниста, в конце войны становится красным партизаном, вступает в компартию и после прихода к власти Матяша Ракоши по своему личному желанию переходит работать в министерство внутренних дел. Его назначают в новоорганизованную полицию.

Свою деятельность Копачи начинает под руководством Ласло Райка, министра внутренних дел, которого как “шпиона международного империализма и фашиста Тито”, вскоре арестовывают и казнят. Его новым начальником становится Янош Кадар. С Кадаром у него хорошие отношения, но вскоре исчезает Кадар в подвалах “венгерской Лубянки”.

Ракоши, имея к нему симпатию как к редкому представителю рабочего движения, замечает его и назначает высокого молодого партизана-коммуниста начальником всей полиции города Будапешта. Ракоши нравится и то, что Копачи записывается на вечерний заочный юридический факультет. Он принимается рьяно за свою деятельность. У него неограниченная власть в борьбе с уголовщиной, но в его ведомстве находится ему не подчиненный старший лейтенант венгерской ГБ — АВО — Доханы, который постоянно тайно и рыщет по всему зданию, вмешиваясь во все дела. У него отдел из нескольких комнат, вход в которые запрещен даже главному начальнику полиции. Между ними происходят трения и споры из-за компетентности в работе, перешедшие в открытую вражду.

Кроме того, в министерстве внутренних дел какое-то время после войны находится советский генерал Белкин, имеющий задание организовать венгерскую ГБ наподобие советской. Вскоре Копачи узнает, что под фальшивым именем Белкина скрывается не кто иной, как сам Абакумов, по своей должности — сперва начальник СМЕРШа советской армии, потом министр госбезопасности СССР. В. Абакумов, к счастью для автора, в полицию редко навещается. “Белкин” уезжает в Москву и впоследствии там его расстреливают.

То, что бывшие начальники-коммунисты становятся “врагами-народа”, дает ему повод начать сомневаться во всей идее марксизма-ленинизма. Советские руководители, повидимому, не очень доверяли венгерским “товарищам”, и поэтому к АВО был приставлен новый советник — генерал Емельянов, который требовал от венгров беспрекословно выполнять его приказы. Вероятно, это тот генерал-лейтенант госбезопасности Емельянов, который позже имел должность министра госбезопасности Азербайджана и весной 1956 г. был расстрелян вместе с Багировым.

Это звучит как любопытный курьез, но факт, что, не отличаясь фантазией, советские называли двух своих советников в полиции: одного именем великого венгерского поэта — Петефи, а другого — просто Мадьяр, что означает “венгр”. За их спиной венгры над ни-

* Kórpási Sándor. Az 1956-os magyar forradalom és Nagy Imre per.

ми потешались и последнего называли "Мишкой". Но они вели себя довольно прилично и не вмешивались в полицейские дела. После смерти Сталина положение в Венгрии тоже изменилось, и, хотя Ракоши всеми силами цеплялся за власть, его властвование приходило к концу. Хрущев и Микоян так же, как и генерал Емельянов, были против него. На политической сцене появились Имре Надь и выпущенный из тюрьмы Янош Кадар.

Нужно заметить, что у Кадара, вышедшего из тюрьмы с выбитыми зубами (его зверски мучили), начались трудности с Ракоши, который имел против него какой-то тайный материал. Копачи, имевший доступ к этим документам, передал их тайно Кадару перед партсобранием для ознакомления, что дало Кадару возможность отбиться от новых нападков со стороны сталинистов. Этот факт, может быть, впоследствии спас жизнь самому Копачи.

В то время в Польше, в Познани, тысячи рабочих вышли на улицу, десятки были убиты, сотни ранены, многих арестовали, но это привело к освобождению Гомулки и впоследствии к уходу Рокосовского. Гомулка стал первым секретарем. В Венгрии роль Гомулки выполняет Имре Надь, которого часто и называют "венгерским Гомулкой". Симпатии полковника Копачи всецело на стороне Надя. Наступает роковой день, 23 октября 1956 г., когда студенты выходят на улицы Будапешта, требуя изменений, свободы. Народные требования сформулированы в 14 пунктах. К ним присоединяются рабочие, вообще, все население. Все улицы запружены демонстрантами, миллионами демонстрантов. Под своей командой Копачи имеет 21 участок полиции, с небольшим числом людей, к тому же и слабо вооруженных.

Вскоре к нему поступают донесения, что многие демонстранты вооружены, полицейские участки заняты восставшими, сами полицейские не предпринимают никаких мер, да и сил у них нет. Многих полицейских разоружили, многие прямо становятся в ряды восставших.

Копачи посылает два последних своих моторизованных отряда к главному зданию Будапештского радио, где ведутся ожесточенные бои между восставшими и чинами АВО. Через некоторое время ему сообщают, что полицейские побратались с восставшими и если не передали им оружие, то сами стреляют в чинов АВО, засевших в здании радиостанции.

Копачи прибегает к последнему шагу: открывает большой красный запечатанный конверт с надписью: "План М. Секретно! Открыть только в крайней необходимости!" В этом документе обозначено, что в полицейском арсенале находится много оружия, в том числе и 80 тяжелых пулеметов. Но на самом деле, в арсе-

нале пусто. Сказывается социалистическая безалаберность, бюрократия. У Копачи — разочарование полное.

Из министерства внутренних дел возвращается его адъютант, который был на переговорах и сообщил, что у авошей полно оружия и кучи новых синих полицейских форм, в которые чины АВО впоследствии и переоденутся, спасая свои шкуры.

Перед главным зданием полиции появляется группа революционеров с оружием в руках. Копачи их арестовывает, пуская на это свои последние силы, и приводит в свое здание. Поговорив с ними и поняв, что на улицах Будапешта не простые беспорядки, а народная революция, — он их выпускает.

На улицах Будапешта появляются советские танки.

Для русского читателя интересны его наблюдения.

Он видит колонну советских танков. Десятки тысяч демонстрантов кричат: "Иван — иди домой!" Но вдруг из первого танка высывается офицер, улыбаясь венграм, спрыгивает с танка. Венгерские студенты, имеющие листовки на русском языке, передают их танкистам. Безоружные юноши и девушки карабкаются на танки, советские солдаты им помогают. Один из демонстрантов поднимает венгерский флаг с вырезанной коммунистической эмблемой, и советский воин помогает ему прикрепить его к башне танка. Раздаются аплодисменты, венгры начинают кричать: "Да здравствуют русские!" Потом все поют венгерский национальный гимн.

Второй случай. Копачи сообщает по телефону подчиненная женщина, капитан полиции, что против парламента, на крышах засела группа чинов АВО. У гостиницы "Астория" стояло несколько советских танков. Венгерские демонстранты с флагами в руках взобрались на танки и уговорили советских танкистов идти совместно к парламенту. Собралось многотысячное шествие с советскими танками. Вдруг, как ему сообщает по телефону капитан, АВО открыло огонь по демонстрантам, много людей было убито. Обстрелу вместе с демонстрантами подверглись и танки, почему они и открыли ответный огонь по чинам АВО, спасая тем самым остальных венгров.

Копачи не получает ни от кого приказаний, в городе царит анархия. Советские советники Петефи и Мадьяр в панике, вскоре они куда-то исчезают. По телефону, который, несмотря на бои, еще функционирует, с Копачи связываются руководители восстания — братья Понграц и Андьал, желающие встретиться с ним. Договариваются приехать на следующий день в штаб-квартиру полиции. По телефону они себя называли руководителями революционной группы "Корвин-Кез".

К тому же времени появляется большая группа демонстрантов, которая требует, чтобы Копачи вышел на улицу. Он это делает. От него демонстранты, некоторые из них вооружены, требуют, чтобы он показал им камеры. Он их пускает в здание, камеры пусты. Кроме того, толпа требует снятия большой пятиконечной звезды с крыши, что он им и позволяет, и вскоре звезду сбрасывают вниз.

На следующий день в условленное время приезжает несколько захваченных у советской армии бронетранспортеров с сотней людей, до зубов вооруженных, во главе с братьями Понграц и Андьялом. Они ему сообщают, что власть в Будапеште, да и по всей Венгрии, в руках у революционеров. Предлагают ему как честному человеку перейти на сторону революции, народа. Он соглашается. Вскоре ему звонит новоизбранный министр внутренних дел — Ференц Мюнх — и сообщает, что всем ненавистное АВО — распущено.

30 октября новый премьер-министр Имре Надь вызывает его в парламент, там же находятся Суслов и Микоян, последний чуть не плача говорит Надю: "Товарищ Надь, спасайте положение!" Надь сообщает, что, кроме полиции, существует в Венгрии новая сила — Венгерская национальная гвардия, организованная студентами, руководителями которой стали генерал Бела Ковач, сидевший несколько лет в тюрьме как титоист, Пал Малетер, герой революции, ставший министром вооруженных сил, и он, Копачи. В парламенте околачивается и посол Юрий Андропов, а с ним маленький блондин в штатском, со злыми глазками, оказавшийся председателем КГБ СССР генералом-полковником Иваном Серовым.

Правительство Надя начинает вести переговоры о выводе советских войск из Венгрии, советская армия уходит из Будапешта.

Положение в Будапеште нормализуется, хотя крупные чины АВО делают попытку организовать в противовес Национальной гвардии свою "Рабочую гвардию". Но революционные группы, не признающие правительства Надя, в первую очередь группа Йожефа Дудаша, нападают на здание центрального комитета компартии, где засели "рабочегвардейцы", и всех их уничтожают. Копачи не в силах предотвратить кровопролитие.

В главной квартире генерала Малетера, в казарме им. Килян, собираются все революционные руководители для организации Революционного комитета вооруженных сил, для обсуждения защиты Будапешта, для восстановления порядка в городе. На собрании присутствует и Копачи, уже один из признанных вождей революции.

Но советское командование, обманув венгерскую делегацию в переговорах на полу-

острове Чепель, вероломно нападает 4 ноября на Будапешт.

Копачи находится в парламенте. К нему приходит жена. Большинство министров во главе с Имре Надем направляются к югославскому посольству.

По телефону сообщают Копачи, что его дочь находится в югославском посольстве. Переодевшись в штатское, он с женой направляется туда же пешком.

К парламенту приближаются советские танки, советская пехота. Но Копачи и его жену не останавливают. На улице они встречают кардинала Миндсенти с его секретарем, тоже беспрепятственно ушедшими из здания парламента и направляющимися в здание американского посольства.

На улицах ведутся бои. Копачи и его жене за несколько сот метров от югославского посольства повстречались советские офицеры, которые его узнали. Они его любезно просят зайти в советскую комендатуру. Там сидит гневный Серов, который и арестовывает Копачи. Его направляют в советскую казарму, где он видит расстрел советских солдат и офицеров, не желавших бороться против венгров. Потом его переводят в главную тюрьму Будапешта, где впоследствии сидят все руководители революции.

Следуют ужасные пытки, допросы. Но, по всей вероятности, Кадар, став главой марионеточного правительства, все-таки сумел спасти Копачи. Его не осуждают на смерть, а приговаривают только к пожизненному заключению. Министр Лошонцы сходит с ума от пыток, его просто убивают. На суде его заочно приговаривают к смертной казни. Министра Силадьи судят отдельно. Приговор — смертная казнь. Его казнят.

Имре Надь, Пал Малетер, министр Гимеш тоже осуждены на смерть. Они держатся на суде героически. 16 июня 1958 года их вешают во дворе тюрьмы.

Интересно, что главный палач, имеющий эту профессию по наследству, из рода в род, наотрез отказывается вешать осужденных политиков, мотивируя тем, что он, мол, уже один раз повесил политика (речь идет о Ласло Райке), оказавшегося потом невиновным и реабилитированным. Приходится быстро находить нового палача, который и выполняет это грязное дело.

Перед отъездом в Канаду, семья Копачи попрощалась с вдовой Имре Надя, живущей бедно в маленькой квартирке, не зная, где закопан ее муж — Имре Надь, один из больших руководителей венгерских событий.

Если эта книга будет переведена с венгерского на русский и другие языки, можно каждому порекомендовать ее прочесть.

Валентин Зарубин

TERRA INCOGNITA

Две книги Валентины Богдан — "Студенты первой пятилетки" (Буэнос-Айрес, 1973) и "Мимикрия в СССР" (Франкфурт-на-Майне, 1982) — отражают быт и чувства класса, о котором, как правило, весьма мало говорят и потому мало знают и который бы можно назвать средней технической интеллигенцией, в первую очередь провинциальной. Притом в этих книгах отражен период, который (как справедливо указывает автор книги в предисловии ко второй книге) вообще на Западе меньше всего известен: 1938-1942 г.г. Весьма ценно и то, что писательница нам показывает жизнь своих героев и их окружения в два приема: их становление и формирование в пору юности сначала, их профессиональные и политические проблемы потом.

Вопреки фальшивому представлению, прочно вкоренившемуся у старой эмиграции и полностью неизжитому и по сей час, студентка Краснодарского института пищевой промышленности Валя Иванова, дочь железнодорожного рабочего, поступающая в вуз в 1929 г., и основная масса ее подруг и друзей вовсе не воспринимают беспрекословно и некритически льющуюся на них советскую пропаганду: они ее корректируют, прежде всего, с точки зрения двух критериев: наблюдением над реальностью и рассказами родных и знакомых из старшего поколения. А поскольку они происходят из среды или, по меньшей мере, связаны со средой казачества, жестоко пострадавшего от недавней еще гражданской войны, элемент недоверия и антипатии к новому режиму уже с детства довольно прочно заложен в их души.

Еще на вступительных экзаменах Валя с неодобрением замечает предпочтение, оказываемое при приеме партийцам и комсомольцам (сама-то она беспартийная). А грубая агитация, навязчивое втягивание в общественную работу только усугубляют в ней желание держаться в кругу ближайших товарищей, надежных девушек и молодых людей, с осторожностью глядя на всех через чур ретивых поклонников советской системы. Об одном из таких они, в своем кругу, отзываются: "Принесли его черти к нам. Единственное место, где можно немного развлечься, а он пришел агитировать".

Когда же доходит до арестов (а это период Промпартии), до коллективизации с ее ужасами, — антибольшевистские настроения героини очерчиваются и вовсе определенно: внешне надо носить маску. Лишь немногие, как ее приятельница Ольга, приходят к такому сознательному антибольшевизму, что начинают "искать случая присоединиться к какой-нибудь антисоветской организации". Это она говорит: "Давай искать вместе, а если не найдем, попытаем-

ся организовать сами... Самое главное, на нашей стороне будет весь народ. И никакой новой политической программы выдумывать не надо. Дашь назад царя, при котором хлеба было вволю и он стоил три копейки фунт, при котором не было смертной казни, при котором все, кто хотели, могли учиться, лишь бы была голова на плечах, и при котором была такая свобода, что вот эти самые "сеятель" могли печатать, что угодно, при этом оставаясь в своих теплых квартирах. Ведь очень многие говорят о царском времени, как о потерянном рае. Рабочие на нашем заводе часто говорят с похвалой: "это еще царского времени", или "это еще романовских времен". Ты согласна начать?"

Валя уклоняется; она в успех подобной борьбы не верит. "Я хочу быть инженером, совершенствовать производство..." На что ей Ольга трезво отвечает: "Ты сделаешь больше масла, а его пошлют на содержание коммунистов в Китае или во Франции". И плохое утешение, что "какая-то часть достанется и нашему народу!"

Дальнейшее развитие Вали, по мужу Богдан и уже Валентины Алексеевны, когда она и впрямь стала инженером (и, как видно, способным и толковым), идет в направлении не столько разочарования в советском строе, — она никогда им очарована и не была, — как выработки все более решительного и непреклонного его отрицания. Этому способствуют ее беседы с рабочими. Вот что ей про себя рассказывает ее ближайший подчиненный и сотрудник, техник Стрючков: "Я все время втирал очки: хочу, мол, поднять производительность производства, дать больше продукции для строительства социализма. А, между нами говоря, чем скорей бы провалился социализм и его строители в пропасть, тем лучше для меня. Да и для вас, я думаю, тоже". Это дает ей повод констатировать: "Такое приспособление к обстоятельствам в биологии называется мимикрия".

При встрече же с живым обломком прошлого, человеком с февральскими взглядами, она ему откровенно высказывается: "Зачем нам нужно было новое правительство?... Была же жизнь, а масленница!"

Закономерно, что Богдан (как и мы все когда-то!) с радостной надеждой встречает войну: "Вот оно, начало конца советской власти!", и воспринимает приход немцев в Ростов (которым кончается "Мимикрия в СССР") как освобождение.

Увы, события не оправдали упований подсоветских антикоммунистов. Остается ждать будущего...

Владимир Рудинский

СОВЕТСКИЙ ПАТРИАРХ ПИМЕН В АМЕРИКЕ

Патриарх Пимен подъехал к советской патриаршей церкви на Ист 97 ул. ровно в 5 часов вечера 21 июня с.г.

Встречали его на паперти всего 7-8 человек прихожан. Ни полицейских вокруг, ни толпы. Как только его черная машина остановилась у самого крыльца, его под руки ввели в церковь. Через 10-15 минут он снова появился в дверях и сел в ту же машину. Рядом с ним сел его очень любезный хозяин и друг, митрополит Феодосий автокефальный. Было незначительное число прихожан, но много автокефальных священников. Из посторонних была еще одна немолодая дама, пришедшая раньше пишущего эти строки, не то любопытная иностранка, не то русская. По ее поведению сразу было видно, что она не из числа почитателей главы московской патриархии (хотя ее приглашали, она не входила в церковь). Когда один из сопровождавших архиереев (возможно, митрополит Филарет киевский) протянул ей небольшую иконку, она покачала головой и отказалась принять подарок. Быть может, она иного вероисповедания и не захотела принять подарка потому, что он ее не интересовал. Кто знает? Народу в церкви было немного.

Из церкви гости с митрополитом Феодосием отбыли в Нью Джерси. На отдых? Во время пребывания в Нью-Йорке патриарх Пимен выступил в Организации Объединенных Наций в четверг, 25 июня с.г., с пропагандной речью.

В воскресенье утром (26 июня) глава московской патриархии служил в той же церкви на 97 ул. Проповедь была нейтральной, он даже упомянул, что церковь была построена Императором Николаем II.

По рассказам присутствовавших автокефальных прихожан, патриарх Пимен очень стар, передвигается с трудом. Народу в этот день в церкви было тоже немного.

После литургии состоялась обильная трапеза. Несмотря на хорошее угощение, некоторые автокефальные священники, выйдя из церковной столовой, проходили по улице с грустными лицами и поникшей головой. Некоторые были очень сосредоточены... Радости на лицах, как это обычно бывает на их собственных торжествах, не наблюдалось. Вероятно, многим пожилым, считающим себя антикоммунистами, не совсем по душе дружба и лобызания их начальства с представителями богоборческой власти, уничтожившей десятки миллионов невинных людей, Царя и перевернувшей в стране все вверх дном. Быть может, некоторые из автокефальных священников вспомнили патриарха Тихона и сотни тысяч уничтоженных священнослужителей, таких же, как они сами, многочисленные аресты православных и других христиан и недоумевали, как это они вдруг очутились среди тех, кого ругали на чем свет стоит еще недавно.

Быть может, кое-кто заметил на левой стороне груди охранника патриарха, здорового блондина (чекиста, конечно,) следившего за всем и вся, красный эмалевый крест, а в середине его... серп и молот! Кто знает, может быть, почувствовали неловкость при такой необычной комбинации, вот и грустно стало (или пошевелилось что-то в сердце) смотреть на свет Божий (или стыдно стало смотреть на людей на улице). Многие видели такое впервые.

На многочисленные запросы американских газет и агентств одни отвечали, что им ничего неизвестно о приезде патриарха, другие же сообщали, что власти отказали ему в визе. И это тогда, когда он был уже в Нью-Йорке!!!

Чем бы ни объяснялось такое странное поведение американских властей, одно ясно: они не хотели, чтобы американский народ знал о приезде советского патриарха. Может быть, боялись шумных демонстраций антикоммунистов или покушения. По слухам, власти не разрешили демонстрацию тем, кто знал о пребывании патриарха Пимена в Нью-Йорке, чтобы не поднимать шумихи. Уже после его отъезда "Новое Русское Слово" сообщило своим читателям о приезде и отъезде патриарха (29 июня 1982 г.). Из американских же газет ни одна не обмолвилась ни единым словом об этом факте.

Так незаметно прошло пребывание советского патриарха в Америке.

В.М.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Являясь членом редакционной коллегии журнала "Время и мы" и одновременно систематически выступая со своими статьями на страницах "Голоса Зарубежья", считаю своим долгом возразить В. Рудинскому: журнал "Время и мы" отнюдь не является "руссофобским". Кстати, фанатики сионизма неоднократно обвиняли "Время и мы" в ренегатстве по отношению к евреям и его интересам и в приверженности к российской тематике. В действительности же "Время и мы" – журнал с широким кругом интересов, сохраняющий в своих публикациях верность идеалам свободы и демократии. Ряд спорных – с чьей бы то ни было (в том числе и с моей) – точки зрения публикаций не меняет преимущественной направленности журнала.

Полагаю, что некоторые авторы "Голоса Зарубежья" несправедливы и ко всей третьей эмиграции как таковой. Но вступать по этому поводу в полемику не хочу: мои взгляды отчетливо высказаны в моих статьях.

Думаю, что полезно уделять больше внимания нашим общим задачам борьбы с коммунизмом, чем не всегда достаточно обоснованной борьбе друг с другом разных волн эмиграции. Пользуюсь случаем заявить, что имею как друзей и единомышленников, так и оппонентов во всех трех волнах.

Дора Штурман

Уважаемый редактор "Голоса Зарубежья"!

Покорнейше прошу Вас поместить это письмо в редакцию в Вашем уважаемом журнале, последний номер которого я прочел с большим интересом.

В своей статье "Легенды о Сталине" (№25), успешно полемизируя с марксистом Чалидзе, Вы пишете: "...невольнo встает вопрос, не думает ли Чалидзе, что он так хорошо мог вчувствоваться в Сталина, т.к. он его соотечественник?"

Из этого следует, что Вы В. Чалидзе считаете грузином и, нужно полагать, потому что он носит грузинскую фамилию. Но Вы ошибаетесь, В. Чалидзе не грузин, а еврей.

Грузинскую фамилию он имеет потому, что если не он сам, то его родители – грузинские евреи. В Грузии с древних времен проживает значительное количество евреев, которые почти все взяли себе грузинские фамилии, как в Германии – немецкие, в Польше – польские, а теперь и в России – русские.

Нам, грузинам, уже довольно того, что наш народ все время упрекают, что он дал Сталина (хотя он грузином был только наполовину, другая половина – осетинская). Так не надо еще пришивать к грузинам и зловерного марксиста, еврея В. Чалидзе. За него пусть отвечают сами евреи. В США Чалидзе прибыл с еврейской эмиграцией, по еврейской визе.

С уважением,

Ваша Патриашвили

От редакции: Мы публикуем письмо г-на Патриашвили как одно из мнений. Мы же считаем, что ни один народ и ни одна народность или национальность в целом не отвечает за отдельных лиц из числа этого народа. Если кто-либо упрекал грузинский народ как таковой за Сталина, то это было очень несправедливо. Может быть, за образец грузин следовало бы взять не Сталина, а тех лиц из грузинского народа, которые сидели в концлагерях, в том числе крупных поэтов. О грузинах в лагерях пишет очень тепло, например, Ю. Марголин в своей книге "Путешествие в страну зе-ка". Сталин не щадил никого, так же своих соотечественников. Мы не знаем, кто Чалидзе, грузин или грузинский еврей, но нас и не интересует его национальность: по нашему убеждению, за него не отвечают ни грузины, ни евреи в целом. Он отвечает сам за себя. А слова в статье ведь просто ирония по поводу несостоятельных рассуждений В. Чалидзе.

* * * * *

Опечатки, замеченные в №26 "Г.З."

Напечатано

Следует читать

Стр. 4, 2-я колонка, строка 11 сверху
Стр. 27, 1-я колонка, строка 31 снизу
Стр.31, 2-я колонка, строки 33-34 снизу

это было бы выгодно
наиболее устойчивые
прославленной церкви

это не было бы выгодно
наименее устойчивые
православной церкви

ДОРА ШТУРМАН
МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

560 стр. Цена 9 англ. фунтов.

В первой части этой книги, озаглавленной "Победа и крушение Ленина", рассмотрены миропонимание, этика и деятельность Ленина в 1917–1923 г.г. Во второй части, которая называется "Николай Бухарин – любимец партии", исследована альтернатива "Сталин–Бухарин". Третья часть книги называется "Читая Троцкого". На примере Троцкого легче всего выявляются и прослеживаются основные черты классического марксизма. Троцкизм представляет собой сегодня активное направление международной коммунистической мысли и деятельности, успешно используемое Советским Союзом. Поэтому восстановление истинного миропонимания, психологии и поступков Троцкого особенно злободневно. Источниками для написания этой книги послужили преимущественно сочинения, речи и письма Ленина, Бухарина и Троцкого, а также исторические документы, связанные с их деятельностью. В книге использованы многочисленные свидетельства современников описываемых событий. Несмотря на всю документированность книги, изложение носит характер очерково-публицистический, а не строго академический. Сохранен живой колорит событий, уделено существенное внимание психологической подоплеке поступков главных персонажей исторической драмы 1917–1930 годов. События рассматриваемой эпохи соотнесены с современностью.

Во всех русских книжных магазинах и в издательстве
Overseas Publications Interchange Ltd.
8 Queen Ann's Gardens GB London W4 1TU

• • • • •

ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ
ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ

Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1982

• • • • •

"ТРИ ЮБИЛЕЯ АНДРЕЯ СЕДЫХ"

Альманах с участием выдающихся писателей, поэтов и публицистов

Цена книги с пересылкой 11 долларов
Весь доход поступает в пользу Литфонда.
Чеки высылать по адресу:

LITFOND c/o Novoye Russkoye Slovo
8 Ave New-York, N.Y. 10001, USA

ФОНД ПОМОЩИ "ГОЛОСУ ЗАРУБЕЖЬЯ"

Многоуважаемые читатели!

Двадцать шесть номеров "Голоса Зарубежья" ясно и недвусмысленно показали антикоммунистическое лицо журнала. Его бескомпромиссность и непримиримость к злу, 65 лет царящему в нашей родной стране, вызвали Ваши положительные отклики и одобрение его направлению, с самого начала принятому его редакцией.

Журнал разоблачает каждую новую ложь коммунистической пропаганды, всячески пытающейся перетаскать эмигрантов на сторону кремлевских владык. Журнал борется с провокацией со стороны органов КГБ. Журнал тотально отвергает коммунизм и никаких кредитов ему не предоставляет. Журнал выдвигает и демократическую альтернативу коммунистической тирании. Отдельные его номера, пусть в ничтожном количестве, доходят до подсоветского читателя, встречая его восторженное одобрение. Это, конечно, не может нравиться коммунистической диктатуре и органам КГБ.

Редактор журнала В.А. Пирожкова, другие помощники и авторы трудятся без всякого вознаграждения. А журнал издается на небольшие средства, их едва хватает на выпуск очередного номера. В условиях современного экономического кризиса финансовое положение журнала осложнилось. Ему нужно помочь не только привлечением новых подписчиков, но и добровольными денежными пожертвованиями.

Я предлагаю учредить Фонд помощи "Голосу Зарубежья". Посылайте посильную лепту, пусть Ваши доллары, марки, франки и иная валюта укрепят финансовое положение "Голоса Зарубежья". Это будет и Вашим вкладом в дело борьбы с коммунизмом, а при желании это сделать легко. От себя для начала посылаю Фонду 100 долларов.

Б. Прянишников
Силвер Спринг

9 ноября 1982 г.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D -- 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает.
Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

